

Александр ТАМОНИКОВ
КОМБАТ

Спецназ ВДВ

Александр Тамоников

Комбат

«ЭКСМО»

2014

Тамоников А. А.

Комбат / А. А. Тамоников — «Эксмо», 2014 — (Спецназ ВДВ)

Начало первой Чеченской военной кампании. Батальон 137-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием Героя России гвардии подполковника Святослава Голубятникова брошен в самое пекло войны – на привокзальную площадь Грозного. В узких кварталах беснуется пламя, взрываются снаряды и мины, свистят пули, рвется и горит металл. Офицеры сорванными голосами отдают команды, пытаются связаться с высоким начальством и запросить поддержку. Десантники, неся потери, тем не менее продолжают неистово сражаться... Они совершили невозможное. Они выполнили боевую задачу, не посрамив чести и доблести российского десантника. За проявленный героизм весь (!!!) личный состав батальона был представлен к награждению орденом Мужества. Пятерым офицерам присвоено звание Героя России. Подобный массовый, единодушный подвиг зафиксирован впервые после Великой Отечественной войны. Роман издавался ранее под названием «Батальон мужества»

© Тамоников А. А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Тамоников

Комбат

Личному составу 137-го гвардейского парашютно-десантного ордена Красной Звезды полка и отдельно командиру 3-го, легендарного батальона полка, Герою России подполковнику ВДВ Голубятникову Святославу Николаевичу посвящается

От автора

В этой книге описаны реальные события, связанные с началом первой чеченской военной кампании, и в частности самое активное участие в ней 3-го, усиленного батальона 137-го гвардейского парашютно-десантного полка под командованием Героя России, гвардии подполковника Святослава Николаевича Голубятникова. Название произведения «Батальон Мужества» выбрано не случайно. За умелые, самоотверженные действия при выполнении боевой задачи по захвату привокзальной площади г. Грозного и проявленный при этом героизм **ВСЕ** личный состав батальона, по СПИСКУ, был представлен к награждению орденом Мужества. Пятерым офицерам присвоено звание Героя России. Впервые после Великой Отечественной войны подразделение представлялось к награде **СПИСОЧНЫМ** составом.

Книга представляет собой художественное, а не документальное произведение, следовательно, в ней имеет место вымысел. Он сведен к минимуму и применен в основном при описании бытовых сцен. По техническим причинам мне пришлось изменить фамилии офицеров и солдат, воевавших вместе с С.Н. Голубятниковым, но они легко узнаваемы для определенного, весьма обширного круга лиц.

Главной своей целью при написании книги я считал как можно достоверней, правдивей, в художественной форме передать то, что было связано с повседневной службой и с участием легендарного батальона в боевых действиях. Насколько мне это удалось, судить Вам, уважаемый читатель!

Глава первая

Из воспоминаний Героя России, подполковника ВДВ Голубятникова С.Н.:

Воздушно-десантные войска всегда привлекались к решению самых сложных боевых задач. С момента создания войск в 1930 году. А для того, чтобы успешно решать поставленные задачи, требуется специальная подготовка в условиях, максимально приближенных к боевым. Война в Афганистане, а в дальнейшем в Чечне, привлечение десантников к разрешению разного рода вооруженных межнациональных конфликтов показали, что ВДВ действительно являются наиболее боеспособными войсками Вооруженных сил Российской Федерации. Несмотря на то что в последнее время и в большинстве случаев десантные части и подразделения действуют, высаживаясь непосредственно с борта на землю, воздушно-десантной подготовке в войсках уделяется должное внимание. Прыжки с парашютами проводятся регулярно, как по планам учебно-боевой подготовки, так и во время учений. Производится и десантирование боевой техники. Подготовка десантников на земле в учебных центрах на полигонах, где создаются условия полной имитации прыжка, сводит к минимуму возникновение экстремальных ситуаций во время реальных прыжков. Но иногда имеют место и чрезвычайные происшествия. И причины каждого из происшествий разные. Это и ошибки, допущенные при укладке парашюта, и несвоевременное раскрытие основного купола при выходе из люка самолета или вертолета, и резко изменившиеся метеоусловия. Случается всякое. Но подготовленный десантник даже в самой сложной ситуации имеет возможность изменить ее и благополучно приземлиться. Ну а если солдата, особенно молодого, впервые совершающего прыжок с парашютом, охватывает паника и он теряет способность вести борьбу за выживание, то ему на помощь в воздухе приходят его более подготовленные и хладнокровные товарищи. И в первую очередь командиры, непосредственно по закону отвечающие за жизнь своих подчиненных...

Пробежав по бетонке взлетно-посадочной полосы Дягилевского военного аэродрома, «Ил-76» мягко оторвался от земли и начал подъем, выдерживая курс на район десантирования 8-й и 9-й парашютно-десантных рот 3-го батальона 137-го гвардейского полка, дислоцировавшегося в городе Рязани. На борту находилось 110 десантников. Большинство из них старослужащие, но были и новобранцы, для которых предстоящий прыжок являлся первым в жизни. Среди них рядовой Дмитрий Кошин, стрелок 2-го отделения 2-го взвода 8-й роты капитана Германа Макарьева. В полку на настоящий момент полностью укомплектованным был только один батальон – третий, под командованием подполковника Голубятникова, офицера авторитетного, уважаемого, боевого. Да и немудрено: Афганистан прошел, награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями. С отличием окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Остальные батальоны были сокращенного состава из-за недобора призывников. Поэтому практически вся учебно-боевая подготовка, караулы, основные наряды и хозяйственные работы лежали на плечах офицеров и солдат именно 3-го батальона. Оставались люди и в других подразделениях, но их было мало. С этим повезло земляку Кошина, Игорю Латунину. На работы особо не гоняли, если и ставили в наряд, то либо в парк боевых машин, либо на кон-

трольно-пропускной пункт, а то и вообще в патруль. По сравнению с караулом или дежурством по столовой – лафа. Да и занятиями разными доставали меньше.

Рядовой Кошин, вспомнив земляка, нервно вздохнул. Да, повезло Игорьку, но не сегодня. Сегодня и тому предстояло прыгать. После Кошина, третьим бортом. Первым десантировались 7-я рота и батальонный взвод связи, вместе с управлением батальона и комбатом. Но они уже, наверное, отпрыгали. А у Кошина все страшное еще впереди. Солдат боялся, хотя из всех сил пытался не показывать этого. Что удавалось ему неважно. Старослужащие, бросая на него взгляд, улыбались. Чувствовали превосходство, будто сами в первый раз не тряслись от страха. А может, и не тряслись, может, это он только такой, а для других ничего особенного не происходит? Но нет. Вон на скамье левого борта татарин сидит. Тоже молодой и тоже бледный, с идиотской ухмылкой на прыщавой физиономии. Дрейфит. А как не дрейфить? Прыгать-то не с забора, а с высоты в шестьсот метров. Дмитрий сглотнул обильно выделившуюся слюну. Мысли путались. Но вновь и вновь сходились к одному, к этому первому прыжку. То, что еще вчера беспокоило Кошина, а именно долгое молчание девушки, оставшейся на родине, во Владимире, сейчас представлялось такой мелочью! Да все мелочь, кроме этого прыжка. И дернул его черт попроситься в десантные войска. Как же, одна форма чего стоила, тельняшка, берет... К тому же романтика. В военкомате думал, как вернется таким гвардейцем, которому и море по колено. Обязательно с медалью и в сержантских погонах. Домечтался, мечтатель хренов. Лови теперь кайф внутри этого гудящего борта перед тем, как сделать шаг в бездну.

Дмитрий перевел взгляд в сторону перегородки кабины пилотов, на которой висела мачта с тремя фонарями. Желтым, зеленым, красным, как у светофора. Загорится желтый – надо будет подготовиться, встать. А как вспыхнет зеленый, то шеренги пойдут к боковым дверям, исчезая за бортом. Исчезнет и он, Дима Кошин. Вопрос, не насовсем ли? Но вроде солдаты на прыжках разбивались редко. Очень редко. По статистике гораздо больше вероятность угодить под колеса железнодорожного состава. Хотя... слышал, что недавно где-то вроде даже спортсмен разбился. А уж он-то, этот спортсмен, не солдат-первогодок. Хотя, возможно, это только слухи, и в иной ситуации он и не вспомнил бы об этом. Мелькнула мысль: а может, погода резко изменится? Ветер усилится, или ураган пройдет внизу? И на табло вспыхнет красный фонарь, что будет означать запрещение десантирования? Тогда самолет уйдет на аэродром вместе с личным составом рот. Такое, говорили, тоже не раз бывало. Но вряд ли произойдет сейчас. Так что как ни крути, а прыгать придется. Нет, можно, конечно, отказаться. Силком никто выбрасывать не будет. Но потом же в роте так достанут, что мало не покажется. Заморят по полной. Кошин перевел взгляд вниз, где на вращающемся стуле у панели управления сидел офицер-летчик, техник по авиационному оборудованию, о чем-то переговариваясь с ротным, находившимся рядом с ним. Капитан Макарьев улыбался. Ему что?! Эти прыжки, как скачки на дискотеке. Наверняка уже привык, имея за спиной не один десяток, а может, и сотен подобных прыжков. Капитану весело. Летуну тем более, откроет двери и рампу, проводит роты, закроет борт – и все дела. Спокойно полетит на аэродром. А тут? Кошин вновь вздохнул. Его толкнул сосед, солдат второго года службы, которому до дембеля чуть больше полугода осталось:

– Эй ты, сынок. Чего, как телок, вздыхаешь? Ссышь?

– Есть немного! – признался Кошин.

Сосед усмехнулся:

– Немного?! Да уж, наверное, полные штаны наложил?

– Нет. Но боязно.

– Не ссы, солдат, все это хрень! Первый прыжок – ерунда, и понять ничего не успеешь, как воткнешься в землю. Второй раз страшнее будет, это я тебе из своего опыта говорю. Мандраж еще тот словишь. Зато потом начнет самого в небо тянуть.

– Ага! Так и потянет?

– Ты не агакай, а слушай, что «дедушка» говорит! И не вздыхай. Ничего не случится.

Кошин начал вспоминать инструктаж перед посадкой на борт. Так! Не суетиться, не сблизиться с тем, кто впереди, сгруппироваться и... шагнуть вперед. А главное, счет. Надо будет считать – 501, 502, 503 – и дернуть кольцо основного парашюта. Да, отсчитать и дернуть кольцо. Купол раскроется, и тогда все! Все будет ништяк. Есть еще и страхующий прибор. Он должен сработать и раскрыть парашют автоматически, если не дернуть за кольцо. А если его заклинит? Тогда полетишь к земле камнем. Как там в школе учили, то ли по физике, то ли по математике? Скорость свободного падения тела составляет... черт... или 40 метров в секунду, или 50. Сейчас не вспомнить. Офицеры говорили, что на стабилизирующем, до открытия основного, вроде 35. Ну хрен с ним, пусть будет 40 метров. В секунду. Нарастает ли скорость или остается постоянной? Наверное, все же остается постоянной, с чего ей нарастать. Правильно родичи говорили, учись лучше, в жизни пригодится. Да чего теперь об этом? Пусть будет 40 метров в секунду. Это что получается? Высота 600 метров. Разделить на 40, выходит 15 секунд. Вот тебе и высота. Не раскроется парашют, и через какие-то секунды так хренакнешься об землю, что только мокрое пятно останется или мешок с переломанными костями. Впереди имеется запасной парашют. Но разве успеешь его открыть? Нет, прибор прибором, а надо дергать кольцо. Да и взводный об этом говорил. Когда же кончится этот чертов полет?

Самолет пролетел всего двадцать минут и начал снижение, а Кошину казалось, что с момента взлета прошла целая вечность.

И в это время крикнула сирена. Противно так. Загорелся желтый фонарь. Приготовиться. Ну вот, начинается. Спаси меня, Господи, прости и помоги! Бойцы поднялись со скамеек. Заправили свободную часть фала стабилизирующего парашюта, закрепленного на тросе карабином. Когда сидели, фалы вытянулись, перед прыжком их требовалось заправить обратно под клапан основного парашюта. Заправив фалы, солдаты установили между собой дистанцию, обеспечивающую интервал выхода в одну секунду. Для этого многого не требовалось. Встать так, чтобы рука легла на плечо впереди стоящего десантника. Все это Кошин сделал машинально. Сосед-старослужащий обернулся, спросил:

– Порядок?

Дмитрий утвердительно кивнул:

– Ага!

– Спокойней!

Он отвернулся. Кошин подумал – легко сказать, спокойней. Мандраж только усилился. Так что пальцы трясутся. Да тут весь, к чертям собачьим, задрожит. Эх, быстрее бы уже.

С гулом открылась рампа. Дмитрий не стал смотреть в открытый хвост самолета. К боковым дверям вышли выпускающие, по двое к каждой двери, командиры рот и их заместители. Сколько еще ждать? Желтый фонарь погас, загорелся зеленый. И тут же борт заполнил жуткий, непрерывающийся вой сирены. Вой, от которого хотелось бежать. Бежать хоть куда, лишь бы подальше от этого ужасного воя. Бойцы пошли. Кошин, продвигаясь вперед, посмотрел вверх. Тоже машинально. Его фал закреплен карабином на тросе. Двери приближались. Вот и выход, офицеры, повторявшие одно и то же, – пошел! И ему отдали ту же команду. Держа правую руку на кольце, сгруппировавшись и закрыв глаза, Кошин шагнул в бездну. И на какое-то мгновение словно завис в воздухе в сплошной тишине. Это являлось следствием защитного эффекта открытой двери, гасящей воздушный поток. Но об этом Кошин не знал, впрочем, он и испугаться не успел. Через доли секунды пространство вокруг него словно взорвалось, и волна отбросила солдата в сторону, перевернув в воздухе. Придя в себя, Дмитрий начал отсчет, быстрее, чем следовало. Он на одном дыхании просчитал – 501, 502, 503 – и дернул кольцо. Секундное падение, словно провалился куда-то. Сердце застыло у рядового, но тут же он почувствовал удар. Посмотрел вверх, и глаза его расширились от ужаса. Он увидел, что парашют полностью не раскрылся и начал сворачиваться в свечу. Кошин закричал. Паника

овладела им. В какое-то мгновение осознание реальности происходящего вернулось к солдату, видимо, сыграл свою роль инстинкт самосохранения. Он вспомнил про запасной парашют. Дрожащей рукой попытался нащупать кольцо запаски, не нашел. Остались штыри; выдернуть их, и запасной откроется, только надо отбросить его от себя, хотя можно и не отбрасывать. Запасной парашют меньше основного, у него две лямки, а не четыре, как у основного, и раскрывается он с наклоном, чтобы стропы не перехлестнулись. И приземлится десантник корпусом вперед, а не грохнется на спину, рискуя сломать позвоночник. Но и штырей Дмитрий не нашел. И, потеряв голову, видя, как стремительно приближается земля, стал руками рвать крепкий материал парашютного ранца, ломая ногти, сдирая кожу и крича во все горло от отчаяния и страха. Он не понимал, что делал. Разорвать ранец руками невозможно. Ему бы всего на секунду успокоиться, нащупать штыри или кольцо. И тогда ситуация в корне изменилась бы. Запасной парашют спас бы его от гибели. Но он не успокоился. Напротив, с каждой секундой все более впадал в панику, полностью утратив способность управлять своими действиями. Теперь спасти молодого солдата могло только чудо. И это чудо свершилось. В виде оказавшегося рядом командира взвода, старшего лейтенанта Юрия Стрельцова.

За трагедией, разворачивавшейся в воздухе, следили и с земли. Первым проблемы с раскрытием парашюта Кошина заметил руководитель прыжков, подполковник Ротмистров. Увидев, что парашют одного из десантников перехлестнуло в воздухе и купол основного парашюта полностью не раскрылся, он воскликнул:

– Что за черт?

Повернулся к комбату, подполковнику Голубятникову, десантировавшемуся первым бортом:

– Слава? Что происходит? Ты видишь?

Глядя вверх, Голубятников ответил:

– Вижу! Купол не заполнился.

– Но почему боец не раскрывает запасной парашют? И что могло произойти с основным?

Святослав Николаевич, продолжая внимательно отслеживать обстановку в небе, ответил:

– Черт его знает, почему солдат не раскрывает запаску. Молодой, наверное, растерялся!

А купол мог не наполниться из-за неисправной укладки, что маловероятно, у молодых мы особенно тщательно это проверяем, или из-за того, что солдат раньше положенного дернул за кольцо. Но все это не важно. Если не придет в себя, то... придется по частям его собирать на земле.

Руководитель прыжков крикнул в небо:

– Да открывай ты запасной, черт бы тебя побрал!

Голубятников покачал головой:

– Не надо кричать. Бесполезно...

– Но он же погибнет!

Комбат оживился:

– А это еще не факт. Смотри, Сергеич, взводный планирует к месту падения.

– Где?

– Ниже метров на сто.

– Так! Вижу! И кто это у нас?

– Потом разберемся. Вопрос, успеет ли офицер перехватить бойца? Должен успеть!

Руководитель прыжков достал носовой платок, протер вспотевшее вдруг лицо:

– Должен!

Покинувший борт «Ил-76» первым из своего взвода командир подразделения старший лейтенант Стрельцов внимательно следил за тем, как прыгали его подчиненные. Первое отделение пошло, второе. Все в штатном режиме, без сбоя. Но что это? Один из десантников начал раскрывать парашют, не выждав трех секунд. Купол вышел и, не наполнившись воздухом, стал

гаснуть. В этой ситуации боец должен применить запасной парашют. Не медля, не пытаясь без толку держаться за стропы основного. Но он не открывает запаску. Стрельцов понял сразу: молодой солдат впал в панику. Не смог найти ни кольцо запасного парашюта, ни штыри аварийного его раскрытия. Мгновенно просчитал ситуацию. Солдат падает по условной линии, которая проходит метрах в сорока от него. Он уже ничего не сможет сделать. Так и воткнется в землю. Надо попытаться перехватить его. Приняв решение, офицер приступил к маневру. Стрельцов, перетягивая стропы, начал сближение с этой условной линией пока еще находившегося выше солдата. Лишь бы боец не врезался в его, взводного, купол. Стрельцов-то успеет раскрыть запасной, а вот солдату уже никто не поможет. Хотя, тот может и старшего лейтенанта утащить за собой, одна запаска двоих не выдержит. В смысле не обеспечит безопасного приземления. И тогда погибнут оба. Но в сторону мысли. Боец не врезался в купол взводного, прошел мимо, совсем рядом. И Стрельцов узнал бойца, несмотря на то что лицо его было перекошено до неузнаваемости. Кошин. Молодой. Он был не в себе еще до посадки. Боялся. Оставить бы его, но кто не боится в первый раз? Развернувшись и накренившись, Стрельцов левой рукой схватил стропу нераскрывшегося парашюта Кошина. Подтянул к себе, перехватил вторую. Теперь взводный крепко держал бойца. Скорость падения Стрельцова увеличилась, а Кошин, уже отрешившийся от всего, вновь почувствовал толчок, будто налетел на что-то в воздухе. Он поднял глаза вверх и увидел взводного, державшего стропы его парашюта. И от увиденного мгновенно пришел в себя. Стрельцов что-то крикнул, но его слова ушли вверх. Кошин тут же нашел и кольцо запасного парашюта, и штыри, но сейчас открывать свой запасной парашют было нельзя. Да и не имело смысла. Дмитрий взглянул вниз и увидел зеленое поле в каких-то десяти-пятнадцати метрах от себя. Не успев сгруппироваться, подготовиться к приземлению, он врезался в землю. Рядом с ним метрах в пяти упал командир взвода. Купола с шелестом легли рядом. Кошин попытался встать, но не смог, он не почувствовал левой ноги. Посмотрел на нее и увидел, как та неестественно вывернута в голени. И только после этого ощутил боль. Но что какая-то боль от перелома, когда он жив, на земле? Солдат лег на спину, повернувшись лицом к Стрельцову. Он был по-прежнему бледен. Взводный, подмигнув солдату, спросил:

– Ну как ты, Кошин?

– Нормально, вот нога только... сломана... а так... спасибо вам, товарищ старший...

Слова Дмитрия прервал приступ кашля, перешедшего в рвоту.

Стрельцов встал, почувствовал боль в левом боку. Потянулся. Кости вроде целы, иначе боль пробила бы тело. А коли кости целы, то мясо, как говорится, нарастет. Он посмотрел на солдата. Того выворачивали приступы рвоты; он сплевывал на землю желтовато-грязного цвета сгустки.

Подъехал санитарный «УАЗ». Над полем прошел, набирая высоту, третий «Ил-76». После происшествия с Кошиным десантирование сводного подразделения, находящегося на третьем борту, было отложено, и экипаж получил приказ возвращаться в Дягилево.

Из «УАЗа» выскочили медики, бросившиеся к Кошину. К взводному подошли руководитель прыжков, заместитель командира полка по воздушно-десантной подготовке и командир батальона. Голубятников спросил подчиненного:

– Как ты, Юра?

Старший лейтенант пожал плечами:

– Да в порядке вроде.

– Молодец! Благодарю за службу!

– Служу России!

Руководитель прыжков также поблагодарил офицера за спасение подчиненного и отошел к медикам.

Стрельцов спросил у комбата:

- Закурить не найдется, товарищ подполковник?
- Голубятников протянул взводному пачку сигарет, зажигалку.
- Чего за бок-то держишься? Травму получил?
- Да вот о бугор ударился.
- Ребра-то целы?
- Целы. Ушиб сильный, но это ерунда, пройдет.

Вокруг начали собираться офицеры рот. Подошли ротные, которые прыгали последними и видели, как Стрельцов спасал молодого бойца. Макарьев похлопал взводного по плечу:

- Молодчик, Юра! И как ты успел среагировать на Кошина?! За какие-то доли секунды?
- И ты бы среагировал, окажись на моем месте.
- Не знаю, не знаю!

Комбат взглянул на командиров рот:

– А вам что, делать нечего? А ну, вперед, к личному составу! Через полчаса построение батальона и всех приданных подразделений. Парашют Кошина упаковать отдельно, не складывая. Пойдет на экспертизу. А наговориться в полку будет время.

Офицеры отошли. Вернулся руководитель прыжков.

Голубятников поинтересовался:

- Ну как там Кошин? Впрочем, пройду, сам посмотрю. С ним говорить можно?
- Можно, но сейчас не стоит. У пацана стресс. Да это и понятно. Первый прыжок – и такое!

– Ногу сильно сломал?

– В двух местах. Ступня и голень. Начмед сказал, переломы тяжелые, надо Кошина в госпиталь везти.

– Оставим его в Туле?

– Медики решат, в Туле оставлять или в Рязань возвращать. Главное, жив парень; правда, в десанте ему больше не служить, да и лечиться долго.

– Какой для него теперь может быть десант? – Голубятников хмыкнул. – После произошедшего он на парашют и смотреть не захочет.

– Как знать... Но его по травме списывать придется.

Руководитель полетов заметил, что Стрельцов держится за бок:

– А ты в порядке, Юра?

– Нормально!

– Ударился старлей о бугор, – объяснил комбат.

Ротмистров сказал, обращаясь к Стрельцову:

– Так пойдй к медикам, пусть и тебя заодно осмотрят.

– Нечего у них делать. Говорю, у меня все нормально.

– Да? Ну смотри! А насчет причины нераскрытия парашюта, – руководитель полета повернулся к Голубятникову, – то ты оказался прав, Святослав! Рано рванул за кольцо Кошин. Считал быстро. Надо дополнительные занятия организовать, да еще раз молодняку объяснить, как вести счет!

– Остальные прыгнули без проблем. А у меня и без дополнительных занятий дел в батальоне по горло.

Подошел начальник медицинской службы полка:

– Травмы Кошина обработали, наложили шину, обезболили. Сейчас солдат спит.

Руководитель прыжков распорядился:

– Ладно, Слава, давай забирай Стрельцова, строй личный состав и на погрузку. Домой пора!

В 19.00 3-й парашютно-десантный батальон и привлеченные к учебным прыжкам подразделения вернулись в полк. Голубятникова встретил посыльный по штабу:

– Товарищ подполковник, рядовой Иванов, разрешите обратиться?

– Обращайся!

– Командир полка приказал, чтобы вы по прибытии в часть явились к нему!

Комбат вызвал к себе начальника штаба батальона, приказал заняться личным составом, сам отправился к зданию управления войсковой части.

Командир полка Серебрянников поприветствовал комбата, указал на стул за столом совещаний. Сам устроился напротив:

– Ну, докладывай, Слава, что у тебя сегодня произошло во время учебных прыжков?

– Как будто подполковник Ротмистров уже не доложил об этом.

– Я, по-моему, задал вполне конкретный вопрос.

– Хорошо! Примите и мой доклад. Во время десантирования 8-й роты у рядового Кошина не полностью раскрылся основной парашют. По предварительным данным, из-за того, что солдат раньше положенного срока дернул за кольцо. Окончательную причину установит экспертиза. Растерявшись, солдат не смог воспользоваться запасным парашютом, и только благодаря решительным, самоотверженным действиям командира 2-го взвода, старшего лейтенанта Стрельцова, который перехватил стропы погасшего парашюта Кошина и удерживал их до приземления, удалось избежать катастрофы. Рядовой отделался двойным переломом ноги, Стрельцов – ушибами. Солдат решением начмеда определен в наш местный госпиталь. Десантирование с третьего борта было отменено, личный состав вернулся в часть. Вот, собственно, и все, товарищ полковник, по случаю с Кошиным. В отношении Стрельцова буду ходатайствовать о представлении старшего лейтенанта к награде. За мужество, проявленное при спасении подчиненного.

Командир полка поднялся, прошелся по кабинету:

– Понятно! Значит, предстоит ждать очередную комиссию!

– В первый раз, что ли, Василий Георгиевич?

– Ладно! Отобьемся, тем более что ЧП обошлось без жертв. Продолжим! Мне начальник штаба на утверждение новый график нарядов принес, ознакомься.

Серебрянников передал комбату таблицу, заполненную каллиграфическим почерком штатного писаря. Голубятников взял график и тут же воскликнул:

– Юрчиков ничего лучше придумать не мог?

– О чем ты, Святослав Николаевич?

– Да вот, к примеру, вторник 27 сентября. Караул и дежурство по столовой.

– Ну и что?

– А то, что утром 29 сентября рота капитана Кошерева должна быть в Дубрах. 26-го числа у 8-й роты ночные стрельбы, 30-го в наряд заступает 9-я рота. И что получается? Если во вторник в наряд заступит 7-я рота, то, сменившись вечером 28-го числа, ей предстоит уже в час ночи четверга начать марш к Дубровичам. А это, как вам известно, тридцать километров, пешком в полной экипировке... Отдыхать-то солдатам когда? К тому же никто не отменял другие занятия, уборку территории.

– И что ты предлагаешь?

– У меня за прошедшие двенадцать месяцев двенадцать выходов было, не считая показательных мероприятий, батальонных учений.

– Я в курсе! И спросил, что предлагаешь?

– Или отменить занятия в Дубрах, или наряд с 27-го на 28 сентября.

Командир полка сел на прежнее место:

– Ты же знаешь, Слава, кроме твоих людей, мне ставить в караул и столовую некого. В других батальонах по тридцать-сорок человек осталось, и они загружены под завязку. А задач полку никто не корректировал, хотя и в дивизии, и в Москве прекрасно знают, что у нас здесь,

по сути, один батальон, ну, полтора, если все остальные подразделения прилепить! Задачи полку остаются прежними.

– Но в таком режиме мы просто загоняем личный состав. Или этого в Туле и Москве не понимают? Батальон-то, по сути, сейчас, как ни парадоксально это звучит, спасает то, что комплектуется он из призыва в призыв на восемьдесят процентов старослужащими других подразделений. Да, они зачастую раздолбаи, самовольщики, но только им под силу выдерживать эти беспредельные нагрузки. Приходили бы молодые, то мы имели бы кучу проблем. И несли бы потери. В мирное время. Скажу более, у нас бегунов было бы немерено. Но и у старослужащих есть свой предел прочности! Сломаются они, все полетит к чертям собачьим. А если предстоит решать реальные боевые задачи? Кого мы выведем на войну?

Серебрянников ударил ладонью по крышке стола:

– Все, достаточно! Или ты думаешь, я хуже тебя знаю состояние дел в подразделениях и уровень боевой готовности полка? Не хуже. Но сейчас везде так! Понимаешь, везде! На гражданке происходит не пойми что, а мы часть общества. Нам рекрутов из-за границы не присылают. Вместе с обеспечением. А призывают тех, кого еще можно призвать. И мы должны работать с тем, что имеем. Не ныть, а работать.

Голубятников повысил голос:

– По-вашему, я ною, а не работаю? Тогда снимайте меня к чертовой матери! Увольняйте! Сейчас это проще простого. Рапорт на стол, и все дела! Пойду на рынок шмотками торговать. Все спокойней и выгодней.

Командир полка сбавил тон:

– Хорош! Никуда ты не пойдешь. А если обидел, извини, сам на нервах.

Успокоился и комбат:

– В том-то и дело, что на нервах служим! Но так бесконечно продолжаться не может. Потеряем армию. Поэтому надо что-то предпринимать. И немедленно.

– Что?

– Считаю, в первую очередь потребовать снижения нагрузки на полк, учитывая то, что фактически задачи полка решает батальон. А батальон, какой бы подготовленный он ни был, не может решать задачи полка. Это понятно даже курсанту военного училища.

Серебрянников усмехнулся:

– Потребовать, говоришь? У кого? У комдива? У которого дивизия в том же состоянии, что и у нас полк? Или у командующего, чьи войска раздирают по частям? Потребовать.

– У нас есть еще и главком.

– Президент?

– Да! В прошлом году он лично нас инспектировал. Часы наградные вручал.

– В том-то и дело, что часы. Ладно, Слава, этот месяц добьешь по новому графику. Как? На морально-волевых. А дальше посмотрим. Ты прав, придется выходить на начальство. Иначе накроемся медным тазом. Подготовлю подробный доклад и наверх, может, что-нибудь пробью. Или вылечу из армии. Но это уже мои проблемы. А ты мне отработай задачи по полной.

Голубятников вышел из кабинета командира полка. Хотел закурить в приемной, но вспомнил, что отдал сигареты с зажигалкой Стрельцову. Прошел в дежурку. Дежурный по полку угостил сигаретой. Перекурив, Голубятников направился в расположение батальона. Настроение никакое, но служба есть служба, раз при должности, то надо исполнять свои обязанности. В любой обстановке и в любых условиях. Да и рабочий день командира батальона редко когда заканчивался раньше 22 часов. Служба!

Но сегодня он покинул батальон в 21.10. Вышел на «круг», конечную остановку троллейбуса, где останавливался и автобус № 9. Голубятникову нужен был автобус, так как тот останавливался недалеко от дома, где он с женой Галиной снимал двухкомнатную квартиру. С будущей супругой Голубятников познакомился еще в Афганистане, где служил с 1985 по 1987

год. Она работала в качестве служащей Советской армии начальником офицерской столовой. Знакомство переросло в любовь. И сейчас Галя, уже сержант ВДВ, служила в батальоне мужа. Война навсегда свела вместе два влюбленных сердца. На остановке Голубятников увидел старшего лейтенанта Стрельцова. Подошел к нему:

– К учительнице?

– Да! Осуждаете?

– Да нет! Как я могу осуждать тебя? Твоя личная жизнь – это твоя личная жизнь. Вот только ты бы с женой, Мариной, поговорил.

– О чем?

– О жизни. Дальнейшей. Объяснил бы по-хорошему, что полюбил другую. А то рубанул сплеча, ушел из дома.

Стрельцов усмехнулся:

– Это с Мариной и по-хорошему? Да с ней по нормальному-то нельзя, а вы – по-хорошему. И ничего я не рубил. То, что полюбил Катюшу, жене сказал открыто, попросил развода. А в ответ грубость. Развода? Хрен тебе по всей роже. Да ну ее к черту, не хочу говорить о ней!

Подошел автобус.

Голубятников вышел из автобуса раньше, прошел к пятиэтажному дому, зашел в подъезд, поднялся на второй этаж. Хоть и была эта квартира съемной, но Святослав привык к ней. Чистая, ухоженная, уютная, хоть и небольшая. Хрущевка, одним словом. И в том, что дома поддерживался идеальный порядок, была полностью заслуга Галины. Голубятников нажал на звонок. Дверь открылась, и жена пропустила его в прихожую. Обняв, поцеловала. Святослав принял душ, переоделся, и только когда прошел на кухню поужинать, Галя спросила:

– Что у вас сегодня на прыжках произошло?

– А ты не знаешь? По-моему, уже весь полк в курсе.

– И все же?

– Да ничего особенного. У молодого бойца не наполнился основной парашют, а запасной, растерявшись, открыть не смог.

– И это ты называешь «ничего особенного»? Ведь солдат мог погибнуть.

– Мог, но не погиб. Юра Стрельцов спас. Успел схватить стропы, когда боец пролетал мимо. Вдвоем на одном парашюте и приземлились. Солдат сломал ногу, Стрельцов отделался ушибами. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо.

– Но теперь начнутся разборы? Экспертизы?

– В первый раз, что ли? Прорвемся!

– В том-то и дело, что тебе все время приходится прорываться.

– Служба такая! Предлагаешь уволиться?

– Ничего я не предлагаю, просто вижу, как тяжело тебе.

– А кому, дорогая, сейчас легко? Или в Афгане легче было?

– Об Афгане и вспоминать не хочу, – вздохнула Галина.

– А я теперь все больше вспоминаю службу «за речкой»! Хоть и тяжело там было, но все равно по-другому, не так, как сейчас. Правильнее, достойнее. А ребят помнишь?

– Всех я помню! Ужинаем.

– У нас, Галь, водка есть?

Галина удивилась. Муж пил редко, по большим праздникам или торжественным случаям. И то две-три рюмки. Поддержать компанию.

– Водка? Ты хочешь выпить?

– Граммов пятьдесят.

– Это из-за случая с солдатом?

– Это, дорогая, от усталости. Так есть или нет?

– Есть, с первомайских праздников еще осталась.

– Налей, пожалуйста, рюмку.

После ужина Святослав успел просмотреть местную газету, особо не вдаваясь в ее содержание, пока Галина наводила порядок на кухне. Потом супруги ушли в спальню. Пролетел еще один день в жизни подполковника Голубятникова. Что принесет завтрашний? Этого не знал никто.

Стрельцов доехал до Первомайского проспекта. Прошел между старыми, еще сталинской постройки зданиями к такой же типовой, как и у комбата, хрущевке, где в третьем подъезде на четвертом этаже в однокомнатной квартире жила Катя. Женщина, которую он с первого взгляда полюбил. Это произошло недавно, чуть более двух недель назад. Начался новый учебный год, и 6 сентября Стрельцова замполит батальона майор Холодов отправил в одну из школ города, провести встречу со старшеклассниками. Такие встречи практиковались в полку. Но для Стрельцова она была первой. Хотел было отмазаться, сославшись на чрезвычайную занятость, но Холодов настоял на своем. Пришлось Юрию идти домой, переодеться в парадную форму. В 12.00 он приехал в школу. Его встретили, провели в актовый зал, ознакомив со сценарием встречи, рассчитанной на час. Бумажка помогла. Юрий рассказал о себе, о том, как стал офицером-десантником, о службе. Затем пошли вопросы учеников. Он отвечал, глядя поверх зала, дабы не сбиться. Но в какое-то мгновение повернулся к правой лестнице и... запнулся, увидев у стены женщину, которая поразила офицера. И не какой-то необычайной красотой или идеальной фигурой. Нет, он увидел обычную женщину, симпатичную, аккуратную, невысокую, в строгом и скромном костюме. Но было в ней нечто такое, что заставило сердце Юрия биться чаще. Он и сейчас не смог бы объяснить, что именно. Учительница улыбнулась ему. Он тоже, но наверняка его улыбка выглядела со стороны идиотски. По залу прошел смешок. Стрельцов откашлялся и вернулся к ответу. Да вот вопроса уже не помнил. Пришлось извиняться, переспрашивать. Хорошо, что время встречи подошло к концу. Ему вручили букет цветов. Учеников вывели из зала, а женщина, которая так поразила боевого офицера, подошла:

– Я учитель истории, Витеева Екатерина Владимировна и по совместительству директор, хотя какой директор, скорее смотритель школьного музея. Мне поручили показать вам его. И поверьте, там есть что посмотреть. Школа довольно старая, а музей существовал с момента ее открытия сразу же после окончания Великой Отечественной войны. Но если у вас нет времени, то...

– У меня есть время, и я с удовольствием посмотрю ваш музей.

Стрельцов пошел за женщиной, не зная, куда деть врученный ему букет. Екатерина показывала офицеру экспонаты музея, он больше смотрел на нее. Это заметила учительница:

– Я вижу, вам неинтересно, Юрий Николаевич?

– Ну что вы, очень даже интересно!

– Да? Тогда скажите, о ком я только что рассказывала?

– О ком? О космонавте.

– О каком космонавте?

– Ну, о том, что окончил эту школу.

– Да нет, Юрий Николаевич, я рассказывала вам об известном летчике-испытателе, Герое Советского Союза, который действительно окончил нашу школу.

– Какая разница? Был летчиком-испытателем, станет космонавтом.

– Да ему уже шестьдесят три года, – рассмеялась Катя.

– Да? Тогда верно, космонавтом ему уже не быть. Вы извините меня, в вашем присутствии я отчего-то чувствуя себя неловко. Как ученик на вашем уроке, который не выучил домашнего задания, вызванный к доске.

Женщина внимательно посмотрела на офицера:

– Я не понимаю вас.

– Я сам себя не понимаю, – вздохнул Юрий. И неожиданно спросил: – А вы замужем? Катя улыбнулась:

– Нескромный вопрос, товарищ старший лейтенант.

– Почему? По-моему, ничего нескромного в нем нет.

– Ну если так, то отвечу: нет, не замужем. Теперь спросите, почему не замужем?

– Нет. Теперь я спрошу: что вы делаете сегодня вечером?

– Собиралась в гости. А что?

– Жаль!

– Почему?

– Потому, что хотел пригласить вас поужинать вместе.

Она улыбнулась:

– Вы получаете хорошую зарплату, чтобы приглашать женщин, с которыми видите в первый раз, в ресторан?

– Ну, скажем, за последний год я никого никуда не приглашал, поэтому, чтобы поужинать с вами, денег у меня хватит. Но, видимо, не получится и на этот раз. Потому и жаль. Но до дома я вас провожу. И не пытайтесь отказываться. Кстати, возьмите цветы!

– Но их же подарили вам.

– А я – вам. Или скажете, что это не принято?

– Но это действительно не принято!

– Что ж, тогда придется выбросить их.

– Хорошо! Поставьте букет в вазу, что на окне.

Стрельцов поставил букет в вазу. Спросил:

– Мне где подождать вас? Здесь или на улице?

– А ждать не надо, я уже свободна.

– Тогда мы можем идти?

– Пойдемте. Я живу недалеко.

Старший лейтенант проводил учительницу и, не получив приглашения зайти в квартиру, на что втайне надеялся, уехал в часть – чтобы завтра вновь явиться в школу. 7-го числа они посидели в ресторане, но Катя вновь не пригласила Стрельцова к себе. И только в субботу он остался у нее ночевать. Эта ночь подарила им бурю сладостного наслаждения. Катя предложила Юрию жить у нее. И тогда Стрельцов признался, что женат. Он никогда не забудет, как от неожиданной новости у Кати широко открылись глаза. И слова ее: как ты мог так поступить? Ты? Офицер?! Для которого честь должна быть прежде всего? Почему обманул? Долго пришлось объясняться Юрию. Убеждать Катю, что он не хотел ее обманывать, иначе зачем стал бы говорить о жене? Что жизнь с Мариной не сложилась, и он больше не хочет жить с ней. И, наконец, в том, что полюбил ее, Катю. Она попросила Стрельцова уйти, и офицер ушел. А в понедельник, 12 сентября, после общевойсковой построения Катя позвонила ему, извинилась за грубость. Вечером Стрельцов приехал к ней и... вновь остался, отдав ей всю нежность, что заполняла его, не имея возможности проявиться в общении с законной, но уже такой чужой супругой.

О связи Стрельцова с учительницей в полку узнали быстро. Кто-то увидел его с ней в городе. И слухи черными змеями поползли по полку. Хорошо еще, что часть не имела своего военного городка, лишь один дом офицерского состава, так называемый ДОС. Но и жильцов дома № 42 по улице Октябрьской, точнее, женщин, жен офицеров и прапорщиков, хватило на то, чтобы Марина быстро узнала об измене мужа. Юрий не стал врать, оправдываться, он подтвердил, что полюбил другую женщину и намерен развестись с Мариной. Старший лейтенант посчитал недостойным офицера обвинять жену в далеко не скромном, мягко говоря, поведении, ее связях на стороне, о которых знал от тех же соседок. Марина стала безразлична Стрельцову. Впрочем, разрыв в семье назревал давно, и знакомство с Катей не явилось его при-

чиной. Жизнь с Мариной не пошла с самого начала, как только они из благоустроенной квартиры ее родителей переехали в офицерское общежитие полка, а по сути в одноэтажный барак с комнатами-отсеками для двух и трех человек. Понятно, что эти условия не понравились избалованной дочери интеллигентных родителей. Единственной дочери. Она вернулась в город. Стрельцов же остался. Бесплезно Марина уговаривала Юру вновь переехать к ее родителям. И родных Стрельцова подключила супруга. Но и это не принесло никаких результатов. Юрий поставил условие: либо Марина живет с ним при части, либо они не живут вместе совсем.

Чем бы закончилось это противостояние, неизвестно, но тут тогда еще лейтенанту Стрельцову невиданно повезло. Ему выделили квартиру в ДОСе, освободившуюся после убийства на повышение одного из ротных 2-го батальона. Позже Стрельцов узнал, что ни о каком везении не может быть и речи, вопрос по квартире решил комбат. Видя, что молодая семья рушится, подполковник Голубятников отдал взводному квартиру, которая предназначалась его семье.

С получением жилья ситуация в семье Стрельцова на время устаканилась. В квартиру Марина переехала без лишних разговоров. И вроде все вошло в нормальное русло, но ненадолго. Уже через месяц-полтора она стала задерживаться на работе, приходить с запахом дорожного вина. У нее появились украшения, якобы подаренные родителями. А когда Стрельцов с ротой убыл на полигон, то по возвращении узнал, что жена всю неделю его отсутствия не ночевала дома. Родители попытались прикрыть дочь. Мол, что ей делать одной рядом с чужими людьми, солдатами? Вот и жила у них. Но Юрий не поверил. И оказался прав.

Как-то, выехав по приказу начальника штаба полка в военное училище, Стрельцов, проходя по Первомайскому проспекту, решил купить сигареты. Киоск у гостиницы был закрыт, пришлось зайти в буфет при ресторане. В зале он увидел свою благоверную за столиком с двумя бравыми представителями Кавказа, такими джигитами, меж которых юлой вертелась пьяная Марина. Первым желанием Стрельцова было набить морду джигитам и вышвырнуть супругу из ресторана. Но затем разум взял верх над эмоциями. Да черт с ней, пусть гуляет. Все равно не жить вместе.

Этой ночью Марина домой не пришла. Заявилась под утро. Стала что-то объяснять, но Юрий не слушал. Оделся и ушел из дома. Ночевал в казарме, куда и пришла супруга. Вновь пыталась объясняться, и тогда Юрий сказал ей, что видел в ресторане. Марина растерялась – у нее была заготовлена другая версия ночного отсутствия. Но, оказывается, муж видел ее с кавказцами. Пришлось на ходу перестраиваться. Да, ее пригласили в ресторан друзья, еще по мединституту. Если б Юрий присоединился к компании или просто подошел, то ему все объяснили бы. Но он ушел, вообразив черт-те что. А между тем в ресторан пришли и подруги с мужьями! Посидели, поехали в новый дом одной из сокурсниц, удачно вышедшей замуж за богатого человека. Гуляли на природе, жарили шашлыки. Марина так устала, что прилегла отдохнуть. А когда проснулась, на дворе уже ночь. В город ехать не с кем и не на чем. Не пешком же идти? Вот и приехала утром.

Надо отдать Марине должное, убедительно врать она умела. Беда, что слишком часто приходилось это делать, путалась иногда. Юрий не верил ей. А самое страшное – старший лейтенант понял, что никогда не любил ее, женился по глупости. Будущего с Мариной у него не было, как не было фактически и настоящего. Стрельцов не раз подумывал о разводе, но так решение и не принял, пока в его жизни не появилась Катя. Она не стала причиной развода Стрельцова с Мариной, но повлияла на принятие решения. Оставалось реализовать его, развестись с бывшей уже женой.

Юрию захотелось сделать Кате приятное. Подумал: а ведь он ей никогда не дарил цветов, тот букет в музее не в счет. А женщины любят, когда им дарят цветы. Старший лейтенант развернулся и пошел обратно на Первомайский проспект, где у гостиницы чуть ли не круглосуточно торговали цветами. Он купил шикарный букет из пяти роз. Подумав, зашел в

ресторан, попросил швейцара организовать бутылку шампанского. Катя негативно относилась к спиртному, но иногда можно позволить себе расслабиться. Особенно сегодня, после того, что произошло на прыжках. До сих пор Юрий чувствовал себя напряженным. Швейцар вынес шампанское в пакете. Стрельцов направился к дому возлюбленной. Свет в окнах ее квартиры увидел издали. Старлею стало тепло. Она ждет его. Зашел в подъезд, поднялся на четвертый этаж. Остановился перед квартирой. Поправил цветы, позвонил. Дверь открылась. Катя ждала Стрельцова, но не ожидала, что тот придет с цветами.

– Добрый вечер, дорогая!

– Добрый, Юра! Проходи.

Стрельцов вошел в прихожую, протянул возлюбленной букет.

Катя приняла цветы:

– Розы! Я очень люблю розы. И именно такие, бордовые. Как ты догадался?

– Интуиция!

– Спасибо, Юра. И по какому поводу цветы?

– Я не могу подарить их тебе без повода?

Екатерина прижалась к Стрельцову, задев ушибленное место, отчего Юрий невольно скривился. Это не осталось без внимания возлюбленной:

– Что такое, Юра? Что у тебя с боком?

– Пустяки, ударился. Ты же знаешь, у нас сегодня были учебные прыжки. Вот и приземлился неудачно.

– Столько раз прыгал, и ничего, а тут вдруг ушибся? Ты говоришь мне правду?

В глазах женщины читалось искреннее беспокойство.

Стрельцов улыбнулся:

– Я говорю тебе правду. Легкий ушиб, пустяк; правда, побаливает, когда тронешь, но скоро пройдет. А на прыжках, дорогая, может произойти все что угодно. И без разницы, первый ли раз прыгаешь или тысячный. Да, я еще шампанского купил. Выпьем?

– Если только немного. Ты давай раздевайся и в душ, а я подогрею ужин и накрою стол.

Стрельцов закрылся в ванной комнате. Быстро набрал воду, в меру горячую, лег в ванну.

Проговорил:

– Господи! Как же хорошо дома, где тебя любят и ждут.

Он закрыл глаза, наслаждаясь теплом воды и предвкушением предстоящей близости с Катюшей. Необыкновенно сладостной близости, во время которой забываешь обо всем на свете. Вот что значит настоящая любовь! Она способна на все. Как же он благодарен замполиту, что тот чуть ли не силой приказа отправил Стрельцова в школу, где старшего лейтенанта ожидало счастье. Счастье, за которое он будет бороться до конца.

Глава вторая

Из воспоминаний Героя России, подполковника ВДВ Голубятникова С.Н.:

В 1994 году полк не имел собственного военного городка, компактного района проживания семей военнослужащих. Холостяки и некоторые молодые семьи жили в офицерском общежитии, кому-то досталась квартира в единственном доме офицерского состава, но большинство семей военнослужащих снимало квартиры и комнаты в городе. Часть оплаты производилась за счет МО, но основную часть приходилось платить из того скудного денежного содержания, что получал офицер, прапорщик или контрактник. В этих условиях, да еще вкупе с практически постоянной занятостью военнослужащих, нахождением их в длительных командировках, не все семьи выдерживали проверку на прочность. Быть женой офицера – это непросто. Некоторые женщины не выдерживали такой необустроенной, необеспеченной жизни. Уходили, уезжали. Разводились. Одновременно женились молодые офицеры, кто-то создавал новые семьи. Другими словами, офицеры и их женщины пытались обеспечить крепкий тыл, который просто необходим человеку, чья профессиональная деятельность сопряжена с тяжелыми физическими и моральными нагрузками, с огромной ответственностью за подчиненных и зачастую со смертельным риском для жизни. У кого-то это получалось, у кого-то нет. Но это жизнь. Это реальность. Это нормально...

Из состояния блаженства Стрельцова вывело внезапное появление в ванной комнате Катюши. Она открыла дверь, извинившись:

– Прости, но я совсем забыла, что не повесила полотенце!

И воскликнула:

– А это еще что такое?

Катя увидела синяки, покрывшие всю правую сторону тела офицера:

– Господи! И это ты называешь легким ушибом?!

– О чем ты, Катюша?

– Да ты весь в синяках.

– Ну и что? Это же естественно, ведь я говорил, что неудачно приземлился.

– А по-моему, ты не приземлился, а падал с большой высоты. Что произошло, Юра?

– Да пустяки, Кать!

– Нет, не пустяки, и ты должен мне все рассказать. Жду на кухне!

Екатерина вышла, Юрий помылся не без труда, все же боль давала знать о себе. Но десантнику не привыкать переносить боль. Одевшись, он проследовал на кухню. Присел за стол, на котором Катя выставила бутылку шампанского и тарелку с отбивными и вермишелью, хлеб, бокалы. В сторонке поставила пепельницу. Рядом положила оставленные Стрельцовым в прихожей сигареты и зажигалку. Не те, что отдал комбат, а те, что купил Юрий у ресторана. Он взял шампанское, бесшумно открыл бутылку, разлил шипящую и пенистую жидкость по бокалам. Поднял свой:

– За тебя, Катенька!

– За нас, Юра! За наше будущее и настоящее.

Выпив, Стрельцов проговорил:

– Гадость. А ведь кто-то только и пьет эту шипучку.

– Я тоже не люблю шампанское.

– А что предпочитаешь, чтобы я знал на будущее?

– Коньяк.

Стрельцов удивился:

– Коньяк? Не ожидал.

– Немного коньяку. Кстати, у меня припрятана бутылка настоящего коньяка.

– Откуда?

– Подруга, бывшая однокурсница, из Франции привезла.

– И что это за подруга?

– А тебе какая разница?

– Ты уходишь от вопроса.

Катя улыбнулась:

– И не надейся, не познакомлю.

В ее голосе отчетливо звучали игривые нотки:

– Впрочем, подруга замужем. Она женщина расчетливая, еще с института мечтала выйти замуж за богатого мужчину. И это ей удалось.

– Расчетливая, говоришь? Как же она стала твоей подругой, ведь ты совершенно другая.

– А может, и я расчетливая. Ухватила же за женатого мужчину? И ничего. Особых угрызений совести не испытываю.

– Это еще вопрос, кто за кого ухватился. Скажи, и давно ты виделась со своей подругой?

– До встречи с тобой. В июле. Она с мужем, известным банкиром, и его то ли компаньоном, то ли товарищем приезжала в Рязань. Позвонила мне, в выходные ездили на природу, шашлыки жарили, отдыхали, а заодно и общались. Больше говорила, конечно, подруга, все расписывала жизнь свою беззаботную, мне же рассказывать было нечего.

Стрельцов отставил бокал, прикурил сигарету:

– А товарищ банкира за тобой, случаем, не ухаживал?

– Ухаживал.

– И тебе это нравилось?

– До определенного момента да. Потом надоело – слишком он усердствовал и был до тошноты любезен.

– И ты что, отшила его?

– Юра, что за вопросы? Что за допрос ты мне устроил? Все это было, да ничего, по сути, и не было, до тебя. До того, как ты появился в моей жизни.

– И тебе нравились ухаживания того хлыста лощеного. Как же, богатенький буратино, а стелется перед тобой...

– Ты никак ревнуешь?

– Да, черт побери, ревную! И в этом есть что-то странное?

– Юра, мне, конечно, приятно осознавать, что ты любишь меня, но ревновать не надо. Не к кому!

Стрельцов угрожающе произнес:

– Будет не к кому! Если этот урод еще раз появится здесь, то я его просто прибью!

– Ну что ты?! Успокойся. И дернул меня черт рассказать о подруге. А все шампанское – хоть и гадость, но по мозгам бьет. Так выпьем коньяку или мне выбросить его?

– А ты выбросишь?

– Если скажешь, выброшу. Вернее, в раковину вылью, прямо при тебе.

– Не надо. Давай этот коньяк, посмотрим, чем он от нашего отличается.

Екатерина принесла пузатую бутылку с простенькой этикеткой, убрала шампанское и фужеры, выставила рюмки. Минут пять мучился Стрельцов с пробкой: французы запечатали

свой марочный товар крепко. Не то что наши. У нас свернул пробку и пей, а у них, видно, специальный нож или штопор нужен. Справившись, наконец, с пробкой, Юрий разлил коньяк по маленьким рюмкам. Кухню сразу же заполнил аромат черной жидкости. Стрельцов сказал:

– Да! Это не наш клоповник. Хотя аромат еще ни о чем не говорит. Одеколон тоже хорошо пахнет.

Но, опустошив рюмку, оценил напиток:

– Хорош! Ничего не скажешь. И крепкий, и пьется легко.

После ужина Екатерина быстро убрала все со стола, вымыла посуду, бокалы, рюмки, расставила и разложила все по привычным местам. Шампанское и коньяк поставила в холодильник, сварила кофе.

Стрельцов все это время курил, любуясь Катей, отмечая ее ловкие, доведенные до автоматизма действия.

Она поставила чашки на стол, присела, отложив на соседний стул передник:

– Ну а теперь, ревнивый ты мой, расскажи мне о том, что произошло на прыжках.

– Может, не надо?

– Ты же обещал! И я все равно рано ли поздно, но сама все узнаю!

– Да? Ладно, только давай договоримся, никаких охов и ахов в ходе рассказа.

– Так, значит, все-таки произошло нечто серьезное?

– Да как сказать... В общем, нештатная, конечно, ситуация, но и ничего особенного.

– Я слушаю тебя.

– У меня во взводе трое молодых солдат, которые сегодня прыгали в первый раз. Ну, один из них допустил ошибку. Боялся слишком, забыл напрочь, чему учили. Вышел из борта нормально, а вот кольцо дернул рано. Кольцо, Катя, это такая скоба, которая крепится вот тут, – он указал на левую часть груди, – и с помощью которой открывается основной парашют. Это тот, на котором спускается десант. По телевизору, наверное, видела?

– Видела.

– Есть у десантника и запасной парашют. На случай, если не откроется или не наполнится основной. Он тоже открывается с помощью кольца. Или штырей. Подробности я тебе объяснять не буду, на это и ночи не хватит. Короче, боец рано рванул за кольцо. Парашют вышел из ранца, но не наполнился воздухом и начал гаснуть. Солдат растерялся вконец. И запасной открыть не смог. Полетел вниз. Купол, даже не наполнившийся, снижает скорость падения, но не настолько, чтобы десантник мог приземлиться, не разбившись. В общем, летит мой солдат. А я ниже его, первым прыгнул, так положено. Вижу такое дело, ну и перехватил его за лямки. Так вместе на одном парашюте и приземлились. У бойца опыта меньше, он сломал ногу. Я бы обошелся вообще без повреждений, но тут подвернулся бугор, черт бы его побрал. Ну и ударился об этот бугор. Вот и все! Солдат в госпитале, я дома. Ничего особенного. Синяки через неделю пройдут.

Катя тихо произнесла:

– Ты же мог погибнуть, Юра...

– Я – нет, а вот солдат погиб бы точно, если бы я не перехватил его в воздухе. Но командир обязан беречь подчиненных. Так что я сделал только то, что должен был сделать.

Поигрывая зажигалкой, Стрельцов выронил ее на пол. Нагнулся, чтобы поднять, и охнул – боль пронзила правую сторону грудной клетки. Катя тут же оказалась рядом:

– Что, Юра?! Больно?

– Немного...

– Вижу, как немного. Может, в дежурную аптеку сбегать? Тут рядом. Лекарства, мази какие купить?

– Не надо. Для меня лучшее лекарство – это ты. В постели все пройдет. С тобой о том, что существуешь, забываешь, а уж о боли и говорить нечего.

– Ты заставляешь меня краснеть.

– Но это на самом деле так. И нечего этого стыдиться. Напротив, далеко не каждая женщина способна доставить мужчине истинное удовольствие.

– Как и мужчина женщине.

– Да! Гармония в близости – великое дело. Без нее счастья не будет. Конечно, многие живут и так, не познав всей сладости любви, но разве это жизнь?

– Извини, Юра, а с женой у тебя была гармония?

– Нет! С женой у меня ничего не было, ни любви, ни гармонии. Понятно, что мы спали вместе, но каждый для себя. Поэтому брак был обречен на развал.

– Знаешь, Юра, я боюсь, что твоя Марина придет в школу и устроит скандал.

– Она не моя, ты моя; но Марина способна на любую подлость. Хотя, не думаю, что решится нанести удар по тебе. Ты-то при чем, если ушел от нее я?

– Но ушел-то ко мне? А женщины этого не прощают. Часто мстят. А скандал в школе может привести к тому, что мне придется уволиться. И потом, если ты правда любишь меня, если я дорога тебе и ты хочешь связать со мной жизнь, то... почему не разводишься? Извини, наверное, я не должна была говорить этого. Но и ты пойми меня. Я хочу, чтобы мы жили вместе, в законном браке, чтобы никто не осуждал и не обсуждал нас, чтобы у нас были дети, сложилась полноценная семья. Без твоего развода с Мариной ничего этого быть не может.

Стрельцов обнял женщину:

– Я тоже очень хочу, чтобы у нас сложилась полноценная семья. Марина не хотела иметь детей, ребенок помешал бы ей жить разгульной жизнью, а сейчас она вряд ли способна родить. Но это ее проблемы, а с ней и с разводом я вопрос решу. В самое ближайшее время. Если получится, то завтра.

– Ты береги себя, Юра! Я без тебя уже не смогу...

– Все будет правильно, дорогая.

В прихожей неожиданно раздался звонок городского телефона. Стрельцов взглянул на возлюбленную:

– А это что такое? Кто это тебе звонит так поздно?

– Понятия не имею.

Она вышла в прихожую, подняла трубку:

– Аллю!

Юрий слышал только то, что говорила Катя:

– Да, это я, вы не ошиблись... не понимаю, о чем вы... вот в чем дело? Да, Юра у меня.

Услышав свое имя, Стрельцов тоже вышел в прихожую. Прикрыв микрофон ладонью, Катя прошептала:

– Марина!

И продолжила разговор:

– По-моему, вы много выпили, Марина... не надо, пожалуйста, грубить... какая есть.

Юрий хотел забрать трубку, но Катя не дала. Она вдруг преобразилась. От испуга или неловкости не осталось и следа.

– Знаете что, Марина? Я вам советую сегодня выспаться, а завтра предлагаю встретиться. И обо всем поговорить. В школе?.. Во сколько придете?.. Я буду ждать. Но запомните, Юру я вам не отдам. Вы упустили свое счастье, я же упускать своего не намерена. И не надо мне угрожать. Спокойной ночи.

Катя положила трубку на аппарат, присела на пуфик:

– Ты уже понял, что звонила Марина. Она пьяна и наговорила кучу мерзостей, обвинила меня во всех смертных грехах; а главное, она пригрозила прийти в школу. Это когда я предложила ей встретиться и во всем разобраться. Она сказала, в школе, у директора в кабинете, разберемся.

- Почему ты не дала трубку мне?
- Зачем? Еще более раздуть скандал? Значит, Марина решила испортить нам жизнь...
- Ничего у нее не выйдет. А в школу она не придет. Не волнуйся.
- Ты будешь просить ее об этом?

– Нет, не стану даже встречаться с ней! Найду другой способ утихомирить. А на развод подам завтра же, обещаю! Сейчас же пойдем спать? С утра у нас разбор прыжков, укладка парашютов. А после обеда отпрошусь у комбата – и в суд. Ты не волнуйся ни о чем. Я не допущу, чтобы кто-то тебя даже словом обидел. А если Марина позвонит еще раз, то не вступай в разговор, а пошли ее на три веселых буквы. А вообще-то ты у меня молодец, держалась достойно.

Екатерина улыбнулась:

- Знал бы ты, чего мне это стоило...
- Представляю.
- Я выключу телефон.

Катя отключила аппарат. Они прошли в спальню, где до утра забыли обо всем на свете.

23 сентября, пятница.

Стрельцов прибыл в полк с первым автобусом. Проконтролировал подъем личного состава взвода вместе с ответственным по батальону. Несмотря на то что в ротах в основном служили старослужащие, проблем с дисциплиной в подразделениях не возникало. Продуманная система постоянного контроля офицерами подчиненного личного состава, введенная подполковником Голубятниковым, полностью себя оправдала. Да и солдаты прекрасно понимали, что на них в настоящих условиях и держался полк. И служили по принципу десанта: «Никто, кроме нас». Или, перефразируя, кто, если не мы?

На завтрак пришел командир роты, капитан Макарьев. Выслушав доклад дежурного по роте, разрешил вести подразделение в столовую. Подошел к Стрельцову, поздоровался:

- Привет, герой!
- Привет!
- Ты чего с утра пораньше появился? Сегодня, насколько знаю, не твой день.
- Если ты имеешь что-то против, Герман, я могу приходить только на построение.
- Я ничего не имею против. Сегодня вновь у учительницы своей ночевал?
- Да что вам всем сдалась моя женщина? Какая разница, где и у кого я ночевал?
- Не кипятись. Я же просто спросил.
- Сегодня ты, вчера комбат; кому еще интересна моя личная жизнь?
- Всем, Юра! Кстати, идя в полк, встретил особиста. Лифанов тоже расспрашивал о твоих семейных делах.

– Слушай, Герман, я что, первый в полку офицер, который решился на развод? До меня никто не разводился?

- Да сплошь и рядом. Но... другие обходились без шума. Ты же поднял волну.
- Я поднял волну?
- Ну, твоя супруга, что не меняет дела. Неужели ты с ней договориться не можешь?
- И ты туда же! Пытаюсь. Не получается. Марина уперлась, ничего слушать не хочет.

Может, ты чего посоветуешь?

– Посоветовал бы, да нечего. Твоя Марина действительно мадам с характером. Ладно, Голубятников идет, пойду на доклад.

Комбат вышел на плац. К нему подошли ротные, доложившие о том, что за прошедшую ночь в подразделениях происшествий не случилось. Личный состав тем временем вернулся с завтрака. И начал выстраиваться на плацу. До общеполкового построения оставалось два-

дцать минут. Голубятников, переговорив с заместителями, подозвал к себе Стрельцова. Юрий подошел, доложил о прибытии. Комбат отвел его в сторону, спросил:

- Ты когда приехал в часть?
- С первым автобусом, а что?
- Домой не заходил?
- Нет. Что-то произошло?
- Твоя Марина собралась на прием к командиру полка. Видел ее у штаба.
- Товарищ подполковник, ну сколько раз говорить, что Марина уже не моя жена?!
- А чья – моя, да? Вот когда разведешься, тогда и будешь называть ее бывшей, а пока

она твоя законная супруга.

- Черт бы ее побрал!..

– Ты не чертыхайся, а подготовься к тому, что после разговора с Мариной Серебрянников тебя к себе вызовет.

- Да знаю, что вызовет. После визита к командиру полка разрешите покинуть часть?

- По какой причине?

- В суд хочу пойти, заявление на развод подать.

- Хорошо. Ты только перед этим обратись к Правтюку.

- К вашему заместителю по воздушно-десантной подготовке? – удивился Стрельцов. –

А зачем он мне?

– Затем, что его жена в суде железнодорожном работает. Поможет и с оформлением бумаг, да и с разводом тоже. Ей не хуже других известно, что собой представляет Марина Семеновна Стрельцова.

– А! Понял! Это мысль. Спасибо за совет, товарищ подполковник. Еще один вопрос. Разрешите обратиться к особисту полка?

- А это еще зачем?

– Он тоже интересовался моими личными делами. Да и мне есть о чем с ним переговорить, касаясь Марины.

- У ротного отпрашивайся, я не против.

После построения в батальоне был проведен разбор прыжков. Естественно, большая часть времени была уделена случаю с Кошиным. После разбора личный состав приступил к укладке парашютов. До обеда время пролетело быстро. Рота вернулась в казармы. Стрельцов поговорил с майором Правтюком. Тот обещал помочь. Стрельцов, отпросившись у ротного и передав командование взводом командиру 1-го отделения, направился к КПП, но на плацу его догнал солдат с повязкой на руке:

– Товарищ старший лейтенант! Посыльный по штабу рядовой Иванов, разрешите обратиться?

- Обращайся!

- Вас командир полка вызывает!

Посыльный убежал, Стрельцов прошел в штаб. Командир мог вызвать и по случаю с Кошиным, и в связи с визитом Марины. Отдав честь Знамени полка, старший лейтенант прошел к кабинету командира полка. Постучав в дверь, приоткрыл ее:

- Разрешите?

- Входите!

Войдя, Юрий доложил:

– Товарищ полковник, командир 2-го взвода 8-й парашютно-десантной роты старший лейтенант Стрельцов по вашему приказанию прибыл!

Серебрянников кивнул:

- Вижу, что прибыл. Здравствуй, Стрельцов!

- Здравия желаю!

Командир полка пожал взводному руку:

– Во-первых, от лица службы объявляю тебе благодарность за спасение подчиненного!

– Служу России!

– Ну а во-вторых... да ты присаживайся, в ногах правды нет.

Юрий присел на стул у стола совещаний, Серебрянников устроился напротив, продолжив:

– А во-вторых, докладывай, как до такой жизни докатился?

Стрельцов удивленно посмотрел на командира полка:

– До какой такой, товарищ полковник?

– До какой, спрашиваешь? Ты чего дома, старший лейтенант, вытворяешь?

– Я? Вытворяю? Ничего не вытворяю.

– Да? А вот супруга твоя, что поутру сюда явилась, заявила о том, что ты, муж ее законный, цинично и целенаправленно разрушаешь семью, издеваешься над беззащитной женщиной, руку на нее поднимаешь.

Стрельцов возмущенно воскликнул:

– Вы сами верите в то, что я могу ударить женщину? И о какой семье идет речь? Нет уже давно никакой семьи.

– А любовница есть, Стрельцов?

– Вот оно что! Понятно. Есть! Но не любовница, а любимая женщина, с которой я намерен создать новую семью!

– Как у тебя легко все получается, Стрельцов! Хочу – с женой живу, хочу – с другой женщиной. А не понравится, так к третьей прибьюсь. И как это назвать?

– Не надо утрировать, товарищ полковник. Вам прекрасно известно, что за жизнь складывается у нас с Мариной. И я не гуляю на стороне втихаря, живу с другой женщиной открыто, ни от кого не скрываясь.

– Молодец! А скажи, Стрельцов, на хрена мне нужно выслушивать тут истеричные жалобы твоей супруги? По-твоему, у меня других дел нет? Кроме как разбираться с вашими личными проблемами?

– Я не знал, товарищ полковник, что Марина пойдет к вам.

– А то что? Силой остановил бы?

– Нет! Убедил бы не беспокоить вас. Но я ничего не знал.

– Да откуда тебе знать, если ночуешь у другой женщины?

Командир понизил тон:

– Как мужик, Стрельцов, я тебя понимаю, как командир обязан отреагировать на жалобы супруги твоей. А она, кстати, обещала и до комдива дойти, если здесь, в полку, мы не поставим тебя на место.

– Я не марионетка, чтобы ставить меня куда-либо. А то, что грозит к командиру дивизии обратиться, плевать. Пусть хоть к командующему в Москву едет. Я с ней жить не буду.

– Она может серьезно подпортить тебе карьеру. Сейчас не раньше, сейчас из армии можно вылететь в три счета.

– Из-за того, что не желаю жить с женой?

– А как насчет морального облика российского офицера? Хотя, конечно, из-за семейных проблем никто тебя не уволит. Но и дальше так продолжаться не может. Не хочешь жить с Мариной, разводишься! И женись на учительнице своей. Тогда никто к тебе никаких претензий иметь не будет. Но ты почему-то не спешишь с разводом, тем самым накаляя ситуацию. Значит, тебя устраивает подобное положение?

Стрельцов поднялся:

– Никак нет! Перед тем как идти к вам, я отпросился у командира роты и направлялся в суд, дабы оформить заявление на развод. Почему раньше не сделал этого, ответ прост: когда?

То наряды, то прыжки, то выходы в поле, то хозяйственные работы. От подъема до отбоя приходится находиться в части.

– Ну, еще ты мне о занятии подразделения расскажи. Голубятникова хватило. Все, Стрельцов! Свободен!

Выйдя из кабинета и проходя по коридору, Стрельцов встретил особиста полка. Его до обеда не было в части – приехал, видно, только что. Старший оперуполномоченный особого отдела открывал дверь, когда Юрий обратился к нему:

– Здравия желаю, товарищ майор!

– А, Стрельцов! Здравствуй! Наслышан о том, как солдата спас. Молодец, ничего не скажешь. Не каждый способен на такой поступок.

– Да ерунда все это. Вы можете мне несколько минут уделить?

– Ну какой разговор? Конечно! Проходи.

Юрий вошел, присел за стол-приставку.

Лифанов занял свое обычное место в кресле:

– Что за проблемы, Юрий Николаевич?

Стрельцов рассказал Лифанову о ситуации, в которую попал.

Особист внимательно выслушал офицера:

– Так. Понятно. Ну, насчет визита Марины Семеновны в школу ты не беспокойся. Это дело мы уладим. Конечно, понять твою супругу можно; если женщины начинают мстить, то месть их страшна. Но мы остудим пыл Марины. Я сейчас же вызову ее для беседы. Уверен, после нее она поведет себя по-другому. А ты решай вопрос с разводом. И чем быстрее его решишь, тем лучше! Для всех.

– Мне все равно заходить домой, деньги взять; так я передам ей, что вы желаете с ней переговорить?

– Передай. Но если не застанешь супругу дома, позвони. Я с директором школы свяжусь.

Звонить особисту Стрельцову не пришлось. Жена после визита к командиру полка находилась дома. И встретила Юрия явно под градусом, воскликнув:

– О! Кого я вижу! Муженька родного. Явился, не запылился.

– Привет! Я ненадолго.

– Конечно, ведь тебя ждет молоденькая сучка?

Стрельцов подошел к супруге:

– Вот только этого не надо! Ты ее мизинца не стоишь.

Гримаса злобы исказила симпатичное лицо Марины. Она неожиданно ударила мужа по щеке:

– Не стою? Вот тебе за все твои дела, скотина. За измену, за поруганную любовь, загубленную молодость...

Марина хотела ударить Стрельцова еще раз, но старший лейтенант перехватил ее руку, предупредив:

– Не надо, Марина! Ты знаешь, я женщин не трогаю, но всякому терпению когда-нибудь приходит конец. Не провоцируй меня.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет! Предупреждаю. Пока еще предупреждаю. А насчет измены, не тебе говорить об этом. На себя посмотри, святоша. Ступай на кухню, я возьму деньги и уйду.

– Что? На жизнь не хватает? А, ну да, конечно, она же простая учительница. Да еще и одинокая. Не поэтому ли в тебя клещом вцепилась?

– Заткнись!

– Отпусти руку, скот! Больно!

Стрельцов отпустил жену. Та отошла к кухне:

– Говорят, ты сейчас в героях ходишь? Бойца на прыжках спас?

– Это не твое дело!

Марина не слушала мужа:

– Теперь тебе медальку на грудь повесят. А то, может, и звездочки на погоны? Капитаном станешь?

– И это тебя не касается.

– Вот твоя Катенька, наверное, довольна?

– Я предупреждал, не трогай ее!

– Да плевать я на твои предупреждения хотела, понял? Ну ударь меня, ударь.

– В кого ты превратилась?

– Превратилась? – закричала Марина. – А не ты ли испоганил мне всю жизнь? Но учти, это тебе так просто не сойдет с рук. И учительнице твоей. Я сделаю все, чтобы с тебя сняли погоны. И будешь ты в школе дворником работать. Вот тогда и посмотрю, станет ли тебя терпеть твоя пассия. Это сейчас ты ей нужен, а потом выкинет тебя на улицу, где ты сдохнешь под забором! Хотя, нет, вы вместе подохнете в нищете. Ей в школе не работать. Если, конечно, до этого с ней ничего, кроме увольнения, не случится. Времена сейчас беспокойные. Бандиты беспредельничают. Только и слышно, кого-то убили, кого-то взорвали, кого-то изнасиловали скопом...

Ярость вспыхнула в груди офицера. Он вновь приблизился к жене, схватил ее за отвороты пеньюара – так, что прозрачная материя затрещала по швам.

– Если сунешься к Кате или по твоей милости с ее головы хоть один волосок упадет, то, клянусь, я убью тебя. И всех тех, кто посмеет поднять на нее руку, поняла?

– Ой-ой-ой! Смотри, какой грозный!

Стрельцов повысил голос:

– Я спросил, поняла?

Марина взглянула в глаза мужа и ощутила холодок внутри. Она впервые увидела такими глазами Юрия. Беспощадными, полными ненависти и решимости. Глаза человека, способного на убийство. И это отрезвило ее.

– Ты поняла меня или нет, стерва?

– Отпусти, мне больно!

– Не слышу ответа.

– Поняла!

Стрельцов бросил жену на стул:

– Вот так! И помни, я слов на ветер не бросаю. Завалю любого безо всяких эмоций. Не забывай, что мне уже пришлось это делать. Так что не сомневайся, рука не дрогнет.

Марина поправила порванный пеньюар, взяла со стола пачку сигарет, достала одну длинную, тонкую, импортную, трясущимися руками прикурила. Выдохнув дым, пустила слезу:

– Вот ты как насчет учительницы. Убить за нее готов. За меня же...

Она не договорила, отвернувшись к окну.

Стрельцов прошел в комнату, подошел к мебельной стенке, открыл секретер, достал из шкатулки пачку купюр. Это были деньги за проданный родителями дом в деревне, и надо отдать должное Марине, она к ним не прикасалась. Впрочем, у нее имелись свои деньги, несопоставимые с зарплатой, которую она получала. Любовники подкармливали. Положив купюры в карман, вернулся на кухню. Супруга продолжала курить, глядя в окно.

– Я ухожу.

– Скатертью дорожка.

– Не вздумай появиться в школе. Себе хуже сделаешь. Я сейчас в суд, подам заявление на развод, так что начинай паковать свои вещи. Можешь забрать все. Мне отсюда ничего не нужно.

Марина резко обернулась:

– На развод? А кто тебе его даст?

– А кто мне его не даст?

– Я! Никогда!

– Кто бы тебя еще спросил... Но хватит болтать попусту. Больше я сюда не приду, тебе лучше перебраться к родителям. Все равно после развода квартиру сдавать. А разведут нас быстро, что бы ты ни пыталась сделать.

– Уверен?

– Абсолютно! До встречи в суде, дорогая.

– Да пошел ты!..

– Уйду. Тебе, кстати, тоже придется прогуляться. Особист просил передать, чтобы зашла к нему.

– Это еще зачем?

– У него узнаешь, мне без разницы.

Юрий вышел из квартиры, с силой захлопнув за собой дверь. Вспомнил, что в доме осталось кое-что из формы, но возвращаться не стал. То, что положено, получит на складе, остальное купит в магазине военторга. Посмотрел на часы. Следовало поторопиться. Майор Правтук созвонился с женой, и та ждала Стрельцова в суде. До трех часов, а сейчас уже половина третьего. Но ничего, на такси до площади Победы он за пять минут доедет.

От удара двери Марина вздрогнула. Бросила окурок в пепельницу. Подумала, зачем вдруг понадобилась особисту. Никогда ранее он не беседовал с ней, а тут вдруг захотел увидеть? Почему? Не потому ли, что командир полка попросил Лифанова разобраться с проблемами в семье Стрельцовых? Это плохо. Хоть и слыл особист мужиком нормальным, ненавязчиво и незаметно исполнявшим свои обязанности, однако должность-то у него нешуточная, серьезная. И если он начнет разбираться, то ситуация реально может развернуться не в ее пользу. Стоит раскопать – а Лифанов наверняка раскопает – информацию по ее связям не только с бывшими любовниками, но и с Артуром. Артур не только обдирает торгашей на рынке, но и приторговывает наркотой. Конечно, она будет отрицать, что знает о делах нынешнего любовника, вот только поверит ли ей особист? И если у Артура возникнут проблемы из-за нее, то он ей этого не простит. Черт! Дернуло ее идти с утра к Серебрянникову. Но что теперь об этом говорить? Надо исправлять ошибку. Вопрос, как? Пойти к Лифанову? В таком виде нельзя. Посоветоваться с Артуром? Но реакция последнего может оказаться непредсказуемой. Чеченец вспыльчив. Он только в постели ласков, по жизни же бандит. Как бы не налететь на крупную неприятность. А не позвонить ли особисту? По телефону и разговаривать проще, и можно аккуратно выведать, чем это вдруг она заинтересовала его. Да! Надо позвонить. Она прошла в прихожую, перенесла на кухню телефон, набрала внутренний номер старшего уполномоченного особого отдела.

– Лифанов! Слушаю!

– Здравствуйте, Александр Петрович, это Стрельцова Марина. Муж передал, вы хотели видеть меня?

– Добрый день, Марина Семеновна. Да, я хотел бы поговорить с вами.

– А по телефону мы не можем сделать этого? Видите ли, у меня сегодня много дел, да и чувствую себя неважно...

– Приходите завтра. Но если вы собираетесь устроить скандал в школе, где работает... ну, вам прекрасно известно, кто там работает, то я бы не советовал вам делать этого.

– Так вы вызываете меня по поводу отношений с мужем?

– Не вызываю, Марина Семеновна, а прошу зайти. Впрочем, можем поговорить и по телефону. На первый раз. Да, я хотел переговорить с вами о ваших отношениях со Стрельцовым. Та обстановка, которая сложилась в вашей семье, не может устраивать командование части.

Офицер должен исполнять свои служебные обязанности, а не решать семейные проблемы. Я имею в виду те проблемы, что возникли конкретно в вашей семье. Надеюсь, вы понимаете, что я обладаю гораздо большей информацией по этому вопросу, нежели командиры вашего мужа.

– Да, конечно, это ваша работа!

– Ну, скажем, это издержки моей работы. И мне, честно говоря, не хотелось бы вмешиваться в ваши личные дела, но, по мнению командования, дело зашло слишком далеко. И вмешательство просто необходимо. Так же вы должны понимать, что дальнейшее развитие скандала не в ваших интересах. Было бы лучше для всех, чтобы вы с мужем решили свои проблемы сами, спокойно и цивилизованно. Со Стрельцовым я беседовал, он настаивает на разводе. Это его право. И на это, что уж там скрывать, Марина Семеновна, у него есть веские основания и без связи с учительницей. Ваш муж готов развестись с вами без лишнего шума. Вы же вправе защищать собственные интересы. Что, зная Стрельцова, бесполезно. Суд разведет вас, несмотря на то что вы всячески будете препятствовать этому. Вот только надо ли вам это, Марина Семеновна? Ну не сложилась жизнь, к сожалению, что ж поделать? Не у вас одних. Это прискорбно, конечно, но стоит ли хвататься за соломинку, когда рядом плот?

Марина спросила:

– Что вы подразумеваете под плотом?

– Это я образно выразился. Вы молоды, красивы, образованны. У вас вся жизнь впереди. Так какой смысл бороться за то, что окончательно проиграно? Впрочем, поймите меня правильно. Я ни на чем не настаиваю. Вы вправе поступать так, как посчитаете нужным. Я просто не хочу, чтобы дальнейшее противостояние повредило вам! Именно вам, уважаемая Марина Семеновна. Но решайте сами.

Марина облегченно вздохнула. Если особист и был в курсе ее связей с любовниками и даже с Артуром, то о делах последнего ничего конкретного не знал. Иначе не отцепился бы. Значит, надо воспользоваться этим:

– Я поняла вас, Александр Петрович. Вы правы – какой смысл пытаться вернуть то, чего уже не вернуть? Признаюсь, мы повздорили с Юрием, когда он приходил домой, я наговорила ему много гадостей, но... это исключительно из-за того, что мне не хотелось разрыва. Однако придется смириться. У меня действительно все еще впереди. Я позвоню Юре и передам, что согласна на развод. Больно будет, но боль пройдет. Время, оно все лечит!

– Поверьте, мне жаль, что распадается еще одна офицерская семья, но вы приняли верное решение. Желаю вам удачи в новой жизни. Удачи и счастья!

Марина положила трубку на рычаги телефонного аппарата. Жаль, конечно, что не удастся отомстить Стрельцову, а особенно этой шалаве Катерине, но черт с ними, она и так потрепала им обоим нервы неслабо. Пусть живут. И она, Марина, будет жить. Но не так, как эти два придурка. Марина возьмет от жизни все, а потом выберет время показать бывшему муженьку и его новоиспеченной женушке, кем станет она и кем останутся они. «Пожалеешь еще, Юрочка, что бросил меня. Ой, пожалеешь, да поздно будет».

Марина встала, подошла к холодильнику, достала початую бутылку водки, налила полный фужер. Залпом выпила, присела, прикурила очередную сигарету. Не докурив, затушила окурок. Поднялась, резко тряхнула головой, отчего белокурые волосы рассыпались по оголенным плечам, сорвала с себя порванный пеньюар. Переодеваться не стала. Как была голой, вновь подняла трубку телефона. Набрала номер. Ей ответил мужской голос с заметным кавказским акцентом:

– Алло!

– Артур? Это Марина!

– О, дорогая, какой сюрприз, здравствуй!

– Привет, Артур! Мы можем встретиться?

– Ай, о чем ты спрашиваешь? Конечно, можем. Хочешь, я приеду, заберу тебя, и поедем на мою хату? Или в ресторан за город, там, где комнаты наверху. Помнишь этот кабак? Я сильно соскучился по тебе.

– У тебя сейчас нет дел?

– Э-э, дорогая, дела подождут.

– Тогда так. Сюда приезжать не надо, через час встретимся у памятника в парке.

– Какой памятник? Где это?

– Там, где мы ночью шампанское пили и где к нам менты привязались.

– А! Помню! Теперь знаю. Хорошо, дорогая, буду ждать тебя у памятника.

– И поедем в кабак. Сегодня я хочу оторваться по полной программе!

Мужчина довольно произнес:

– Ай, дорогая, как приятно слышать такие слова! А твой муж потом тебя не тронет? Если что, ты только скажи, мои люди быстро разберутся с ним.

Марина ухмыльнулась, подумав: как же, разберутся! Так разберутся, что окажутся в реанимации. Десантники – это не конкуренты-бандиты. Отделают так, что мама не горюй. Но сказала:

– У меня, Артурчик, больше нет мужа.

– Вай, совсем хорошо. Значит, теперь ты совсем моя?

– А вот это будет зависеть от твоего поведения.

– Я буду очень хорошо вести себя, дорогая, у тебя будет все, что захочешь.

– До встречи, Артур! И еще: будь, пожалуйста, один. Я не хочу видеть рожи твоих земляков.

– Э-э, зачем ты так? Как без охраны?

– Я имела в виду твоих дружков, а не охрану.

– Хоп! Как скажешь.

Марина, нажав на рычаги, трубку не опустила. Подумав, набрала другой номер. Послышались долгие гудки. Наконец ей ответили. Ответила Катя. Это ей домой, просчитав, что учительница уже должна была вернуться из школы, позвонила бывшая супруга Стрельцова.

– Да? Алло!

– Это я, Марина, узнала?

– Узнала. Что вам надо?

– Не напрягайся! У меня для тебя хорошая новость. Как приедет Стрельцов – а он отправился в суд, подать заявление на развод, – передай ему, что я согласна. Черт с вами, живите. Не буду мешать. Вещи свои заберу позже. Так что расслабься, девочка, и жди своего героя. Гуд-бай!

– До свидания!

Усмехнувшись, Марина отключила телефон. Прошла в ванную, приняла душ. Переоделась, облачившись в короткое, обтягивающее фигуру черное платье, не забыв и о нижнем белье, которое возбуждало Артура. Вызвала такси. Через полчаса в городском парке ее с огромным букетом роз встретил любовник.

...Жена заместителя командира батальона по воздушно-десантной подготовке майора Правтюка Елена встретила Стрельцова у входа в суд:

– Юра! Еще немного, и ты опоздал бы.

– Так ведь не опоздал?

– У нас всего двадцать минут. Идем.

Офицер и женщина вошли в здание суда. Их ждал молодой парень, представившийся адвокатом Георгием Александровичем:

– Значит, заявление о разводе. Для того чтобы вопрос разрешился быстро, от вас требуется заявление, в котором всю вину за распад семьи берете на себя, как и расходы по процессу.

– И что я должен написать?

– Писать буду я, а вы только подпишите заявление. Так! С женой жить не желаете из-за того, что фактически имеете связь с другой женщиной. Когда жили с супругой, часто вели себя непристойно, скандалили, приходили со службы пьяным.

Стрельцов взглянул на Елену. Та сказала:

– Георгий знает, что делать!

Домой к Кате Стрельцов вернулся, оформив все бумаги, оплатив пошлины и даже успев получить повестку на вторник, 27 сентября, на 11.00, когда суд должен был принять решение о разводе Юрия с Мариной. Поэтому вошел в прихожую в хорошем настроении. Екатерина встретила его, как всегда, поцелуем:

– Привет, Юра!

– Привет, Катя! У тебя все в порядке?

– Да!

– Марина в школу не приходила?

– Нет, она звонила, и этот звонок, признаюсь, немного удивил меня. Твоя супруга сказала, что не будет мешать нам. Что бы это значило?

– Она поняла, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

– Ты разговаривал с ней?

– Да.

– Заходил домой?

– Да! Мне надо было забрать деньги, ну и заодно в последний раз переговорить с ней. После чего отправился в суд и оформил заявление на развод, и вот во вторник, – он достал повестку, подняв ее вверх, – 27-го числа, я наконец-то буду свободен.

– Так быстро назначен суд?

– У нас все быстро делается.

– Это я заметила.

– Но холостяковать долго не намерен. Сразу же после суда подадим заявление в ЗАГС, оформим наш с тобой брак.

– А стоит ли спешить, Юра?

– Стоит, дорогая. Чем быстрее отделаемся от формальностей, тем лучше. А что-то ты какая-то не такая, как обычно... По-моему, у тебя что-то все-таки случилось.

Катя прижалась к Стрельцову:

– Я сегодня с утра ходила к врачу.

– Что произошло? Ты плохо почувствовала себя?

– Не в этом дело... В общем, Юра, я беременна.

Стрельцов опешил:

– Беременна? Это в смысле, что у нас будет ребенок?

– Если беременность пройдет нормально.

– Ребенок! Погоди, погоди, Катя, а это точно? Ну, насчет беременности?

– Точно. Сейчас врачи на самой ранней стадии ее определяют.

– Дела... у меня будет ребенок...

– Ты не рад?

Юрий воскликнул:

– Рад? Я не рад, дорогая, я счастлив!

Он поднял возлюбленную на руки, но тут же опустил:

– Извини, наверное, нельзя поднимать тебя!

– Сейчас можно все.

Старший лейтенант обнял невесту:

– Как же я люблю тебя, Катенька! И как раньше мог жить без тебя?

– Я тоже люблю тебя. Но пойдем в комнату. Тебе надо принять душ, переодеться.

– Эх! У нас будет ребенок, Это же... нет слов, Катюш, у меня просто нет слов!

Раздался звонок городского телефона. Катя подняла трубку:

– Алло!

– Добрый вечер! Это подполковник Голубятников, командир Юрия Стрельцова. Могу я услышать своего подчиненного?

– Да, конечно, одну минуту.

Екатерина позвала Стрельцова, прошедшего в комнату.

Тот, успев сменить бриджи на спортивные брюки, вышел в прихожую, взял у Кати трубку:

– Старший лейтенант Стрельцов, товарищ подполковник!

– Как у тебя дела?

– Лучше всех, товарищ подполковник! На вторник на 11.00 назначен суд.

– Елена помогла?

– Еще как, без нее я бы завис с разводом надолго. А она провернула дела быстро.

– Это хорошо! Марина и особисту обещала оставить вас в покое.

– Спасибо вам всем и за все!

– На здоровье. Тут ко мне уже зам. по тылу полка подходил, спрашивал насчет твоей квартиры в ДОСе. Ты с Екатериной будешь регистрировать брак?

– Конечно! И сразу после развода. Она у меня беременна.

– Поздравляю! Значит, квартира остается за тобой.

– Нет, товарищ подполковник. Я сдам ее. Не хочу, чтобы хоть что-то напоминало о прежней жизни. Тем более, эта квартира вам предназначалась.

– У нас еще есть семьи, что маются в общежитии. Твое решение по жилью окончательно?

– Так точно! Будем жить у Кати. Ей тут и до работы близко, и мне спокойней.

– Хорошо. Но когда родится ребенок, в однокомнатной будет не совсем удобно.

– Ничего! Нормально.

Глава третья

Из воспоминаний Героя России, подполковника ВДВ Голубятникова С.Н.: Несение караульной службы – неотъемлемая часть деятельности войск в любых условиях. Подчиненному мне личному составу батальона приходилось заступать в караул практически ежедневно. Взвода сменяли взвода. Обуславливалось это тем, что батальон как полноценная боевая единица в то время в полку был единственным. Другие подразделения выполняли задачи вне дислокации полка в так называемых «горячих точках», которые после распада Союза возникали и на западе, и на востоке, и на юге когда-то великой страны. Как правило, караулы проходили спокойно, без происшествий, но каждое правило имеет исключения. Случались и у нас такие исключения. Склады с вооружением и боеприпасами являлись весьма привлекательной целью для различных бандформирований, плодившихся в новой России, как грибы после дождя. Бандиты неоднократно пытались проникнуть на эти склады, но часовые всегда отбивали атаки на охраняемые объекты, в том числе и с применением оружия, право на которое им предоставлено государством. Не скажу, чтобы нападения носили массовый или систематический характер, но такие случаи бывали, и десант в противоборстве с бандитами действовал умело, решительно и мужественно, что предопределяло исход данного противоборства...

27 сентября 1994 года. Вторник.

Сегодня батальону предстояло заступить в наряд. Следовательно, и распорядок дня был составлен с учетом этого. В караул назначили взвод старшего лейтенанта Сергея Лихолетова. Проведя занятия до инструктажа в 13.00, личный состав начал готовиться к заступлению в наряд. Командир батальона, наскоро пообедав в офицерской столовой, занялся корректировкой плана подготовки подразделения к осенней проверке. Он находился в кабинете, когда в дверь постучали, и на пороге появился старший лейтенант Стрельцов:

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Заходи!

Стрельцов вошел:

– Я только что из суда.

– Развелся?

– Так точно! Вот и решение забрал.

– Поздравляю!

– Хотел узнать, кому квартиру сдать.

– Мебель вывез? Ту, что покупал?

– Мне она не нужна. Марину предупредил, она послала меня к черту, только шмотки забрала.

– Оставь ключи у меня.

Старший лейтенант положил ключи от квартиры ДОСа на стол комбата. Тот бросил их в ящик стола:

– Что дальше будешь делать, в смысле личной жизни?

– Да вот на днях собираемся с Катей заявление в ЗАГС подать.

– Короче, сразу вновь женишься...

– А чего тянуть? Тем более, Катя беременна.

– Смотри, какой шустрый! И месяца не прошло с момента знакомства, а уже все успел... И женщину приворожить, и ребенка заделать. Молодец, ничего не скажешь. Значит, скоро свадьба?

– Это уж как в ЗАГСе решат.

– А чего решать? Распишут, и все дела.

– Я думаю в полку свадьбу сыграть. Вы не против?

– Я не против, но ты сначала оформи брак. Потом и обсудим этот вопрос.

– Понял! В приемной находится боец взвода Лихолетова. К вам пришел.

– Пусть войдет. А ты, Юрий Николаевич, ступай, занимайся личным составом. У тебя люди в наряд не заступают?

– Практически нет, кроме четверых солдат.

– Тогда остальных на территорию, закрепленную за всей ротой! До ужина навести идеальный порядок.

– Не успеем!

– Это твои проблемы. Ступай!

Стрельцов вышел, в кабинет вошел рядовой Шохин, прослуживший уже полтора года. Голубятников знал подчиненный ему личный состав не только по званиям и фамилиям, но и по именам.

– Разрешите обратиться, товарищ подполковник? Рядовой Шохин.

– Разрешаю!

– Мне бы поговорить с вами, товарищ подполковник, по личному вопросу.

– Взводный и ротный в курсе, что ты здесь?

– Так точно, я все, как положено, сделал. А капитан Кошеров сам посоветовал к вам обратиться.

– Да? Ну присаживайся, поговорим, Анатолий Викторович.

Солдат устроился напротив комбата, смял в руках берет. Волновался, и это было заметно.

– Что у тебя?

– Прошу предоставить мне краткосрочный отпуск.

– Во как? И за какие такие заслуги, позволю узнать? За то, что в ночь с субботы на воскресенье в самоволку бегал?

– Так я даже до «круга» не дошел!

– Правильно, патруль остановил.

– Мне домой надо, товарищ подполковник.

– Что за причина?

– Ерунда, в общем-то, но надо!

– Что-то я не понимаю тебя, Шохин.

– В общем, так, пацаны из дома написали, что подружка моя, Светка, замуж собралась. А обещала ждать.

– Знаешь, Шохин, сколько за службу мне приходилось слушать подобных историй?

Скажи просто и прямо, устал или по родным соскучился, вот и захотелось домой.

– Да нет, товарищ подполковник, я серьезно, насчет девчонки.

– Значит, не дождалась солдата из армии?

– Угу. Не дождалась.

– А ты тут к кому в увольнение и в самоход ходишь? Не к девочке ли, что в железнодорожном училище учится?

– Откуда вы знаете? – удивился Шохин.

Комбат усмехнулся:

– Мне, Шохин, по должности положено все знать о подчиненных. Видел вас на площади Победы. Под ручку шли в сторону вокзала. А как узнал, где она учится, то это тебя не касается.

Так что фокус с неверной невестой не пройдет. Если ты здесь всю гуляешь, почему ей ждать тебя?

Шохин шмыгнул носом:

– Понял! Да я знал, что с девчонкой номер не пройдет, а ничего лучшего придумать не мог. Но мне, честное слово, очень надо домой, всего на сутки. Туда – обратно, три дня. Понимаете, товарищ подполковник, брат старший, придурок, решил в коммерсанты податься. Место на рынке арендовал, шмотки у челноков купил. Торговать начал. Дело мало-помалу вроде пошло. Ему бы остановиться, но нет, Борька стал расширять бизнес. Бабки занял у одного черта. Отдал их челноку – ну, торговцу, что в Турцию постоянно мотается. Тот деньги взял и исчез, а бабки-то отдавать надо! Пацан, у которого взял, с бандитами местными повязан. Вовремя не отдал, поставили на счетчик. А Борьке отдавать нечем. Не продавать же хату родительскую? Надо разрулить проблему, пока еще можно. Поэтому мне и надо домой. Я к ротному обратился, он сказал, что это не причина для предоставления отпуска, но комбат, то есть вы, может помочь.

– И как же, Шохин, собираешься разрулить проблемы брата? Заставишь бандитов откатиться от долга?

– Не-е, это бесполезно. У нас машина есть, новый «жигуль» седьмой модели. Его продать за требуемую сумму можно легко.

– Так пусть брат продаст!

– Но машина на меня зарегистрирована. Отец по доверенности ездит. А раз зарегистрирована на меня, то и снять с учета в ГАИ могу ее только я. А я здесь.

– Оформи генеральную доверенность на имя брата!

– Оформил бы, если б он, чудила, раньше обратился. А сейчас – точнее, с пятницы – бандиты его на счетчик поставят. Пока будем с бумагами возиться, они нас всех до нитки обдерут. Сами не хуже меня знаете об этом. Они свое, да и не свое, не упустят. Шакалы, хотя почти всех знаю, а с чертом, что бабки в долг дал, так вообще в одном классе учился. Он от армии откосил, я ушел служить, а брат-недоумок решил разбогатеть. Вот и разбогател...

– А связаться со своим бывшим одноклассником по телефону не можешь?

– Толку-то? Связаться могу, но что скажу? Подожди, мол, вернусь, рассчитаюсь за брата? Он бы, может, и подождал, но сам под бригадиром ходит. Да и бабки-то наверняка не свои дал, а общие. Возможно, и челнока бандиты подставили. Чтобы и деньги за шмотки прикарманить, и долг еще выставить.

– Понятно! Это уже похоже на правду. Но командир полка из-за этого отпуск не предоставит.

– Но мне надо домой, товарищ подполковник, а то и брату и родичам вилы будут. Они никак от бандитов не отобьются. Только я могу решить проблему. Так, что потом ни одна сука на семью не наедет. И брату мозги на место вставлю! Помогите, товарищ подполковник. Пожалуйста. Я не подведу, слово!

Голубятников посмотрел на солдата:

– Понимаешь, на что ты меня толкаешь? На преступление! У меня нет прав отпускать солдат в отпуск. Официально...

– А если неофициально? – тихо спросил Шохин. – Очень прошу!

– Неофициально? Так, ты сегодня заступаешь в караул?

– Так точно!

– Значит, как вернетесь после наряда в казарму, разоружитесь, это у нас будет часов в 8–9 вечера; завтра, 28-го числа, зайдешь ко мне. Сюда.

– Так отпустите, товарищ подполковник?

– Ну не бросать же твоих родных на растерзание бандитам...

– Спасибо, товарищ подполковник!

- Пока не за что. Иди, готовься к караулу.
- Есть! Я... я за вас, товарищ подполковник...
- Все, Шохин, ступай, сказал!
- Есть!

Боец чуть не выскочил из кабинета. А Голубятников задумался. Из-за личных проблем Шохина в отпуск официально не отпустят. Вот если бы родственники телеграмму, заверенную военкоматом, прислали, тогда другое дело. Уехал бы немедленно. А из-за брата, его проблем? Командир полка не имеет права предоставить отпуск. И не отпустить нельзя. Сейчас время такое наступило – пока Шохин будет служить, бандиты, прикрываемые местными чиновниками, очень даже просто разорят семью. Им плевать, что будет дальше. Главное, срубить деньги, или «капусту», как они выражаются. Надо отпускать.

Голубятников по телефону внутренней связи хотел было вызвать командира 7-й роты, но вспомнил: тот дома, готовится к заступлению дежурным по части. Значит, придется перед разводом переговорить с ним и решить вопрос по Шохину. К Серебрянникову идти смысла нет. Командир полка, конечно, выслушает, поймет, выразит сожаление, предложит связаться с милицией по месту жительства Шохина, но не более того. А это все бесполезно. Солдату надо быть дома, чтобы решить проблемы.

Дежурный по роте объявил построение личному составу, заступившему в наряд, в 17.20. Взвод Лихолетова получил оружие. Комбат подошел к расположению 7-й роты, когда подразделение выходило на построение. Ротный, капитан Кошерева, находился в курилке. Завидев комбата, пошел ему навстречу для доклада. Голубятников остановил капитана:

- Не надо, Юра, вижу, у тебя все идет по распорядку. Разговор у меня к тебе есть.
- Слушаю вас, товарищ подполковник.
- К тебе Шохин обращался по поводу отпуска?
- Так точно! Да кто ж его отпустит из-за того, что какая-то девица решила выйти замуж?

Я прямо ему об этом сказал.

- И послал ко мне...
- Не послал, а посоветовал с вами переговорить.
- Зачем, если знал, что у него нет веской причины для предоставления отпуска?
- Чтобы вы побеседовали с ним. Замполита привлекли. Слишком уж он переживает. И

все из-за девушки.

- Да не из-за девушки, Юра. У него дома проблемы гораздо серьезнее.
- Да? Мне он только о девице говорил.
- Мне сначала тоже, потом раскололся.
- И что у него за проблемы?

Голубятников передал Кошерева суть своего разговора с солдатом. Ротный, выслушав, проговорил:

– Да! Дела, похоже, хуже некуда. Бандиты если вцепятся, то не отвялятся, пока своего не получат. Что же делать, товарищ подполковник? Я, конечно, могу написать рапорт на ваше имя с ходатайством о предоставлении отпуска Шохину, только не подпишет его Серебрянников, даже если вы поддержите ходатайство. Оснований для отпуска нет.

– Ничего писать не надо. Шохин просит отпустить его домой на трое суток. К понедельнику обещает вернуться. Слово дал. Я вот что думаю, давай-ка мы его без всяких формальностей отпустим.

– А документы?

– В гражданке поедет, кому нужны его документы? Случайному милицейскому патрулю? Но он не идиот привлекать к себе внимание. Здесь ты посадишь его на поезд, дома брат встретит. Решит вопросы с долгом и вернется тем же порядком. Перед выездом позвонит, встретим. Как тебе такое предложение?

– Нормально! Но если он не вернется или залетит у себя на родине, все же придется с бандитами дело иметь, то нас с вами вздрючат по самое не могу.

– За себя не волнуйся. Вся ответственность на мне!

– Да я не волнуюсь. А ответим, если что, вместе.

– Ты продумай, как скрыть Шохина на эти трое суток. Чтобы информация по нему не ушла в штаб полка.

– Может, после караула в санчасть его положить? Формально, естественно, с начальником полевого медпункта я договорюсь.

– В санчасть? А если туда проверка нагрянет?

– Откуда?

– Оттуда, откуда они обычно валяются нам на головы.

– В выходные?

– Ты прав. На выходные ни одна комиссия не явится. Добро, поговори с начальником медпункта и оформи Шохина с утра субботы в санчасть. И еще, надо ему гражданку подобрать.

Кошерева усмехнулся:

– Шохину? А в чем, по-вашему, он в самоход бежит? В форме? С этим у бойцов полный порядок. И где хранят одежду, не могу найти. Казалось бы, все углы-улучки проверил – без толку. Научили маскироваться на свою голову.

– А ты, Юра, себя курсантом вспомни.

– У нас все было проще. В самоход в спортивном костюме, в увольнение в форме. На хате переоденешься – и в город.

– Вот и у наших гражданка вполне может находиться на какой-нибудь съемной квартире. Но ладно. Давай води людей на развод, Лихолетову передай, за Шохиним особое наблюдение, после сдачи оружия завтра ко мне его. До этого реши вопрос с санчастью.

Вскоре подразделение направилось на плац части. Развод начался, как обычно, строго по графику в 18.00. А в 18.50, когда вновь заступивший караул начал прием караульного помещения, разводящие повели первые смены на посты. Прием прошел быстро. Бойцы хорошо знали друг друга и особо не усердствовали, потому как сегодня ты у них принимаешь помещение, территорию, а в следующий раз они у тебя. После прибытия караульных последней смены старого караула подразделение, отстоявшее наряд, отправилось в казарму. К несению службы приступил караул старшего лейтенанта Лихолетова.

В 21.00 разводящий сержант Беденко вывел очередную смену к месту зарядания и зарядания оружия. В эту смену на службу заступил Шохин и его друг и земляк рядовой Михаил Артюшин. Зарядив оружие, разводящий вывел караульных к постам №№ 5 и 6, постам хранения оружия и боеприпасов. Эти посты представляли собой ряд зданий-складов, огороженных по периметру двумя рядами колючей проволоки, между которыми оставалось пространство для пешего патрулирования часовых вокруг территории поста. Днем, когда склады вскрывались, часовые несли службу на вышках, стоявших также внутри зоны пролегания маршрутов часовых. Посты вплотную соседствовали друг с другом и имели ворота. Приняв посты, дождавшись, пока разводящий увел караульных, друзья подошли друг к другу, к воротам, соединяющим пятый пост с шестым. До караульного помещения отсюда было метров триста, так что часовые могли позволить себе запрещенное по уставу караульной службы общение, при этом отслеживая обстановку внутри охраняемых объектов. Но сейчас было не то время, когда что-то могло произойти.

Артюшин достал из подсумка сигареты, протянул одну через «колючку» Шохину:

– Держи, Толик, я полпачки затарил, перекурим.

Шохин отказался:

– Не хочу, до заступления выкурил три штуки подряд. Аж тошнит сейчас.

– Ты так и не сказал, чего у тебя с отпуском. Облом?

- Не знаю, Миха! Но вроде комбат решил отпустить.
- Неужели батя повелся на дешевку с бабой? На него это непохоже.
- Ага, повелся... Расколол в момент.
- И че?
- Приказал после караула зайти к нему.
- Но ты все объяснил ему?
- Да.

– Судя по тому, что не отказал, отпустит. Он мужик правильный, с понятием. И перед начальством, как другие, не гнется.

- Ему-то чего гнаться? За Афган два ордена имеет...

– Не в орденах дело – у некоторых их полна грудь, а как были чмо, так чмо и остаются. Особенно эти штабные крысы, что с проверками приезжают. В столовой рожи воротят, будто их в сортир привели. Правильно, привыкли в Москве в кабаках деликатесы жрать, потому наша жратва им в падлу.

Шохин, осмотрев территорию своего поста, взглянул на друга:

– Ну вот че ты городишь? Что, в Москве одни козлы сидят, что ли? Там тоже боевых генералов и офицеров хватает.

– Хватает, но ко мне весной в столовой домотался майор один московский. Видел бы ты этого боевого офицера! На кителе колодки двух медалей, и те юбилейные. А понтов-то выше крыши.

Артюшин изобразил проверяющего:

– Что это, солдат? А сам на бачки немытые указывает. Бачки, отвечаю, товарищ майор. Он-то: что бачки, я и сам вижу, почему грязные? Нет, ты прикидываешь, Толян, почему бачки грязные? Да потому, что не успели еще помыть, отвечаю. А он: медленно работаете, не наряд, а куча сонных мух. Прапора дежурного подзывает и давай его пилить! И ведь ни за что. А ты говоришь!

- Чего я говорю?

– Ничего! А наш комбат, да офицеры батальона тоже, не эти штабные чмыри. Так что не волнуйся, Толян, завтра в ночь свалишь домой.

- Посмотрим.

- А тут и смотреть нечего! Сто пудов свалишь.

- Давай территорию обойдем.

Артюшин махнул рукой:

– Находимся еще, в следующую смену. Самое хреновое время будет, с трех до пяти! А сейчас и так видно, что никого у постов нет.

- Как хочешь, а я пройду по периметру.

Шохин, поправив на груди автомат, пошел по тропе маршрута. Артюшин тоже, сплюнув на землю, спрятав окурки в подсумок, пошел вокруг своего поста.

Шохин шел не спеша, осматривая витое ограждение и в то же время думая о том, отпустит ли его комбат или в последний момент откажет. Уж лучше сразу бы отказал. Тогда сейчас было бы время обдумать, как свалить из части по-тихому. Не дезертировать, нет, свалить без разрешения, решить дома проблемы – и вернуться, пока трое суток с момента ухода не прошло. Тогда дезертирство не повесят. Самоволку. И на губу, суток этак на 5–7. А гауптвахта – ерунда по сравнению со службой, дом отдыха.

Толя Шохин и подумать не мог, что следующая смена преподнесет такой сюрприз, который в конце концов все расставит по своим местам.

И началась эта смена в 3.00 среды, 28 сентября. Передачу постов, как обычно, провели быстро. Шохин и Артюшин обошли посты, вновь сойдясь у ворот. Ротный, исполнявший обязанности дежурного по части, провел проверку караула часом раньше, когда друзья находились

в комнате отдыхающей смены, а значит, ждать еще какой-либо проверки не приходилось. Сигареты у Артюшина контролировавший зарядку оружия старший лейтенант Лихолетов изъясил, объявив Михаилу замечание. Просек-таки офицер, где может караульный спрятать неположенные предметы. Поэтому два часа предстояло провести без курения. Невыспавшийся Шохин не расположен был к разговорам с товарищем, но Артюшин просто не мог долго молчать. Посетовав на отсутствие сигарет, он спросил у Шохина:

– Толян, а че у тебя с девахой из железнодорожного училища?

– У меня с Натахой серьезные отношения.

Артюшин даже рот от удивления открыл:

– Да ты что? В натуре?

– В арматуре!

– Не, ты охренел, Толян. Че, дома девок, что ли, нет?

– Таких, как Наташа, нет.

– Ну ты даешь! Смотри, кроме меня, кому не скажи об этом. Засмеют вусмерть.

– Плевать!

– Слушай, а она че, в реале какая-то особенная?

– В реале!

– Родичи упакованные? Хотя, нет, у упакованных в университетах да в институтах детки учатся. Красавица? Фигуристая?

– Нормальная девчонка. Симпатичная, стройненькая, а главное, характер у нее золотой.

И вновь Артюшин усмехнулся:

– У них у всех характер золотой, пока в невестах ходят, а как закольцуют пацана, так куда только это золото девается? У меня дома по соседству корешок жил...

– Почему жил? Умер, что ли?

– Сплюнь! Переехал в город. Но это не важно. Короче, подцепил на дискотеке в клубе чухиху одну, из города, не местную. На лето к бабуле отдыхать приехала. Бабенка, скажу тебе, закачаешься. Краля, одним словом. Ну, наш Петруха сразу и запал на нее. Мы с пацанами думали, отошьет Петьку, ан нет, ни хрена. Он подкатил к ней, та согласилась танцевать. Танцевали весь вечер. Вместе раньше времени и ушли из клуба. На следующий день я в кафе к матери – она у меня в кафе пашет, официанткой. Ну зашел, уж и не помню зачем, а в зале Петька с кралей своей сидит. На столе ни водки, ни вина, ни пива. Кофе, прикидываешь? Да у нас в кафе никто кофе просто так безо всего никогда не пил. А эти сидят друг против дружки за чашками. Она волосы откидывает назад, манерная деваха, и о чем-то Петьке по ушам ездит. А тот сидит как придурок и только гривой кивает, вроде как врубается в базар. Хотя пацан он начитанный. Наизусть «Онегина» знал. Один, наверное, на весь поселок. Я с матерью поговорил; помню, сумку она мне тяжелую дала на хату отнести, а я не тороплюсь и из подсобки наблюдаю за этой сладкой парочкой. Тут дворник дед Вася подвалил, предложил водочки хлебнуть. Выпили по сто граммов, и захотелось мне подойти к Петрухе и его крале. Подошел, оставив сумку в подсобке. Сажусь на стул сбоку от них. Петруха недовольно морду скривил: мол, тебя только тут не хватало. Но с девочкой познакомил. Светлана ее звали. Сказал, что друг я ему, живем рядом. А Света эта как начала – да какой у нас поселок уютный, чистый, а люди-то какие хорошие, не то что в городе. Особенно Петруха. Лепила, короче, то, чего сейчас и не вспомнить, но с восторгом. Мне аж тошно стало. Ушел я. И че ты думаешь? Почти месяц они по поселку вместе шарахались. Петруху не узнать. В джинсах, рубашке модной, морда лощеная какая-то стала. И довольная, будто в лотерею тачку выиграл. А Светка вокруг него так и кружилась. И все – Петя, Петя... В общем, дошарахались они до свадьбы. Ну, свадьба так свадьба. Сыграли как положено, три дня народ пил. А потом она Петруху в город увезла. Вроде ничего такого. Наоборот, хорошо. Там и работа есть, и жилье у жены, опять-таки сходить есть куда. Не то что у нас. В кафе да клуб.

Шохину надоело слушать затянувшийся монолог друга:

– Ты короче можешь?

– Могу! Месяца после свадьбы не прошло, мать Петрухи к ним в гости поехала. Приехала – и к моей, в кафе. И в слезы. Попал ее сыночек. Эта краля в момент его под каблук оформила. Тетка рассказывала, Светка дома такие порядки установила, что ни вздохнуть, ни... И если Петруха что-то не по ее сделает, так сразу скандал устраивает. Вот такие они, Толян, бабы. Коварнее любой змеи.

– Лохом не надо быть, тогда никакая баба не захомутает. А Петруха твой лошара полный.

– Ну не скажи, все же «Онегина» наизусть...

– При чем здесь «Онегин»?

– При том, что Петруха...

Артюшин вдруг замолчал, повернувшись в сторону поста Шохина.

– Ты чего? – спросил Анатолий.

– погоди, Толян! Не слышишь, будто кто-то железом по железу ковыряет?

– Нет! Хотя... точно, есть шум какой-то. И где-то между хранилищ. Пойду посмотрю!

– Ты осторожней! Если кто проник на пост, то не в прятки играть. Здесь полно оружия.

Ты давай выйди к середине периметра справа и аккуратненько глянь, что там на посту, а я на вышку поднимусь. Если что, и резерв вызову, и прикрою!

– Давай!

– Ты только аккуратно, Толян, без шума, чтобы не засекли до поры до времени.

– Ладно! Ты с вышки еще и территорию, прилегающую к посту, посмотри, прожектора ее освещают. Может, чего заметишь подозрительного.

Положив палец на выступ планки установки режима ведения огня и предохранителя, Шохин бесшумно двинулся в обход хранилищ.

В 3.10 к небольшой роще, отстающей от границы постов парашютно-десантного полка метров на двести, с выключенными фарами подъехала темно-синяя «Нива». Остановилась возле оврага. Из нее вышли два молодых бритоголовых парня в спортивных костюмах, к ним подошел еще один, из рощи:

– Привет, братва! Наконец дождался. Комары, суки, достали – и откуда они только в сентябре взялись?!

– Ты, Леня, не о комарах, ты по теме говори.

– Короче, с 23.00 на крайнем, нужном нам посту часовые несут службу, как обычно. За смену по запретке раз пять проходят.

– За два часа пять раз? Это получается, каждые двадцать четыре минуты?

– Да, но не все. Кто чаще, кто реже. Тот, кто сейчас на посту, вообще один раз прошел, а потом с часовым соседнего поста завис у ворот за складами. Они, видно, кореша, «деды». Им служба по хрену, базарят о своем.

– Как вели себя эти двое в прошлую смену?

– Не знаю. Они как раз поменялись, как я вышел в рощу! Но наверняка так же.

– Значит, сейчас подход к посту свободен?

– Да ты сам глянь, Хром, между проволокой никого.

Старший троицы, приехавший на «Ниве», прошел левее рощи, откуда ему между боксов были видны ворота, соединяющие посты, и увидел часовых, беседовавших у этих ворот. Вернулся к машине.

– Да, службой пацаны себя не напрягают, но то, что «деды», даже хорошо. Если что, палить сдуру не станут. Это молодой может растеряться. Но пора за дело. Давайте, Леня и Рыжий, начинайте. Рыжий, возьми кусачки. Проволока без сигнализации, режьте аккуратно нижние ряды, чтобы пролезть можно было. Обрывки цепляйте к соседним рядам. Ты, Ленчик,

не забудь фомку. Замки на боксах обычные. Постарайся взломать без шума. Входите в хранилище, что отсюда во втором ряду крайнее справа. Получается, через тыловые ворота. Ворота закройте за собой, врубайте фонари. Внутри должны быть ящики. Вскрывают один, и каждый берет по три автомата. Находите магазины – их штук десять в сумку, но опять-таки чтобы через проходы в ограждении беспрепятственно пролезть. Не суетиться. Если что, предупрежу криком совы. Услышите сигнал, замрите и укройтесь. Продолжите движение после повторного двойного сигнала. И помните, на пост идете. У часовых автоматы. В крайнем случае прорывайтесь, используя «ПМ» Рыжего. Валите часового и прорывайтесь. С соседнего поста боец стрелять не будет. Не его объект, а значит, и применять оружие не имеет права. И за «колючкой» по вам бить не будут. Так что главное – отработать свое в боксе и выйти за «колючку». Ну а о том, что попадаться вам нельзя, и говорить не буду. Вы в розыске, и если часовой задержит вас, то позже менты так прессанут, что мало не покажется. Я, конечно, вытащу вас, но не сразу. Не попадайтесь. На крайняк, как сказал, прорывайтесь. На это вам и ствол дан. Все понятно?

Спросил тот, кого инструктирующий тридцатилетний мужчина, неплохо ориентирующийся в обстановке, связанной с военной службой, назвал Рыжим:

– А если часовые шум поднимут, когда мы выйдем с волынами с объекта? Не накроют ли нас другие десантники?

– Резервная смена караула выходить за пределы постов не будет, не имеет права, а на то, чтобы поднять тревожный взвод, требуется время. Я успею подобрать вас в поле. У дороги пересядем в «девятку», пусть потом менты разбираются с угнанной «Нивой». Все должно пройти удачно. И все зависит только от вас. Бабки за работу при мне, получите сразу, как уйдем в город. Еще вопросы? Нет больше вопросов? Отлично. Я наблюдаю за часовыми. Вперед, братва, удачи!

Местные бандиты, пригнувшись, взяв все необходимое для проникновения на пост и хищения оружия, побежали к внешнему ряду проволочных заграждений.

Их бригадир, Хром, Евгений Хромов, бывший прапорщик, не стал выходить на позицию, откуда мог контролировать часовых. В этом не было смысла. И предупреждать младших подельников он не будет. Часовой, если заметит нарушителей, попытается задержать их. Леня и Рыжий, понимая, что задержание грозит им большими неприятностями, рванут назад. Рыжий выстрелит из пистолета. В этом можно не сомневаться. Тому только дай ствол, палить начнет без разбору. Часового из «ПМа» не снять. А вот солдат, тем более старослужащий, в ответ рубанет очередь. И безо всякого предупреждения, так как нападение на пост очевидно. Срежет пацанов, и все дела. Если те допустят ошибку. Какой смысл тогда светить себя? Ну а пройдет все гладко, то и слава богу. Встав за машину, Хром прикурил сигарету, отметив время на часах. У бандитов было около часа на все. Должны успеть. Тем более, работают за очень хорошие бабки.

Дойдя до первого поворота, рядовой Шохин уже отчетливо услышал звук взламываемого замка хранилища. И хранилища дальнего от него, крайнего, с тыловой стороны. Впрочем, до этого хранилища не более ста пятидесяти метров. Подойдя к столбу, после которого следовал участок «запретки», просматривавшийся насквозь, остановился, выглянул, пригнувшись. Так и есть. Двое неизвестных в спортивных костюмах пытаются взломать замок тыловых ворот крайнего хранилища, где находился один из складов со стрелковым оружием. Шохин снял автомат с предохранителя, резко передернул затвор, загоня патрон в патронник. Лязг затворной рамы услышали бандиты, они повернули головы влево, увидели часового, наставившего на них автомат, и услышали его крик:

– Стоять, стрелять буду! Лапы в гору!

Ленчик и Рыжий не ожидали такого поворота. Хром не предупредил их. Но часовой – это не шутка. Бросив инструмент, бандиты подняли руки.

Шохин продолжил отдавать команды:

– Теперь встали к стене, руки сверху, ноги вширь! Быстро!

И этот приказ бандиты выполнили беспрекословно.

Ленчик шепотом, едва шевеля губами, спросил:

– Рыжий, у тебя ствол где?

Тот так же тихо, чтобы не услышал часовой, ответил:

– Какой, к черту, ствол? Из «ПМа» часового не достанешь, а он нас срубит легко.

– Чего делать будем? Прорываться? Но ждет ли нас Хром? Он не мог не видеть, как от ворот отошел солдат, но не предупредил. Почему?

– Я знаю? Но и попадать в руки ментов нам нельзя. Будем прорываться.

– Ага! А вояка по нам очередь?

– Другого выхода нет. Сейчас он вроде успокоился, к стрельбе не готов. Ему по-любому надо помощь вызывать. Не будет же он держать нас до конца своей смены под прицелом?

– Короче, как отвернется, рвем за бокс, что сзади. Пока часовой прочухает, что мы дернули, пока выйдет по периметру на прямой участок, пролезем под «колючкой» и в поле. Там в разные стороны. По полю он стрелять не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.